

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Екатерина ГЛАГОЛЕВА

НАШЕСТВИЕ 1812

Всемирная история в романах

Екатерина Глаголева

Нашествие 1812

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(4)

Глаголева Е. В.

Нашествие 1812 / Е. В. Глаголева — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-3857-8

Можно ли было избежать вторжения Наполеона в Россию в 1812 году? Можно ли было остановить нашествие Великой армии в самом начале, предотвратив гибель тысяч людей, разорение миллионов, уничтожение Смоленска и пожар Москвы? Две воли, два честолюбия противостоят друг другу. Надежды покоренных народов, жаждущих освобождения, возложены на двух императоров. Судьбы множества людей сплелись в кровавый клубок из боли, страданий и утрат. Эта книга является продолжением цикла романов об Отечественной войне 1812 года и связанных с ней событиях. Две предыдущие книги – «Битвы орлов» и «Огонь под пеплом» – ранее опубликованы в этой же серии.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(4)

ISBN 978-5-4484-3857-8

© Глаголева Е. В., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Об авторе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Глаголева

Нашествие 1812

© Глаголева, Е., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

* * *

Екатерина Глаголева

Об авторе

Дипломированный переводчик Екатерина Владимировна Глаголева (р. в 1971 г.) начала свой литературный путь в 1993 году с перевода французских романов Александра Дюма, Эрве Базена, Франсуа Нурирье, Фелисьена Марсо, Кристины де Ривуар, а также других авторов, претендующих на звание современных классиков. На сегодняшний день на ее счету более 50 переводных книг (в том числе под фамилией Колодочкина) – художественных произведений, исторических исследований. Переводческую деятельность она сочетала с преподаванием в вузе и работой над кандидатской диссертацией, которую защитила в 1997 году. Перейдя в 2000 году на работу в агентство ИТАР-ТАСС, дважды выезжала в длительные командировки во Францию, используя их, чтобы собрать материал для своих будущих произведений. В тот же период публиковалась в журналах «Эхо планеты», «History Illustrated», «Дилетант», «Весь мир» и других. В 2007 году в издательстве «Вече» вышел первый исторический роман автора – «Дьявол против кардинала» об эпохе Людовика XIII и кардинала Ришелье. За ним последовали публикации в издательстве «Молодая гвардия»: пять книг в серии «Повседневная жизнь» и семь биографий в серии «ЖЗЛ». Книга «Андрей Каприн» в серии «ЖЗЛ: биография продолжается» (изданная под фамилией Колодочкина) получила в 2020 году диплом премии «Александр Невский».

Краткая библиография:

Дьявол против кардинала (роман). Серия «Исторические приключения». М.: Вече, 2007, переиздан в 2020 г.

Повседневная жизнь во Франции во времена Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007.

Повседневная жизнь королевских мушкетеров. М.: Молодая гвардия, 2008.

Повседневная жизнь пиратов и корсаров Атлантики от Фрэнсиса Дрейка до Генри Морган. М.: Молодая гвардия, 2010.

Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012.

Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014.

Вашингтон. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

Людовик XIII. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015.

Дюк де Ришелье. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Луи Рено. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Ротшильды. ЖЗЛ и вне серии: Ротшильды: формула успеха. М.: Молодая гвардия, 2017 и 2018.

Рокфеллеры. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2019.

Путь Долгоруковых (роман). Серия «Россия державная». М.: Вече, 2019.

Аль Капоне. Порядок вне закона. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2020.

Польский бунт (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Лишённые родины (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Любовь Лафайета (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

*Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать.
(Император Александр I)*

1811 год
Сентябрь

Услышав пение, толпа заколыхалась, задние напирала на передних; гарнизонные солдаты в парадной форме, выстроенные на Невском проспекте, обнажили головы. «Иже на камени веры создавый, церковь Твою, Блаже, к той исправи моления наша, и приими люди в вере вопиющих Тебе: спаси ны Боже наш, спаси ны!» – пел стройный хор мужских голосов. Люди крестились, стоявшие ближе всех к храму становились на колени; сидевшие в лодках на Екатерининском канале, напротив, вставали и вытягивали шеи, балансируя руками. Крестный ход двинулся вдоль колоннады, обходя огромное здание новопостроенной Казанской соборной церкви. Митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий в митре и синей мантии с бело-красными «струями» держал высоко перед собой святые мощи, два архиерея в парчовых саккосах несли икону Казанской Божьей матери в ризе из червонного золота. Вслед за духовенством выступал император Александр с императрицей Елизаветой в сопровождении всей августейшей фамилии.

Все главные моменты крестного хода отрепетировали заранее; Александр точно знал, как и где ему встать, куда идти и что делать. Сегодня десятая годовщина его коронации, освящение собора должно пройти гладко, без сучка и без задоринки. Десять лет... Перед отъездом в Москву он присутствовал при закладке этого собора. Покойный отец хотел поставить вместо прежней церкви Рождества Богородицы храм, похожий на собор Святого Петра в Риме, однако безвестный Андрей Воронихин, где-то найденный графом Строгановым, задумал нечто еще более грандиозное, чем и увлек императора Павла, потеснив маститых архитекторов. Дай ему волю – строили бы еще десять лет, разоряя казну и губя мужиков непосильной работой. И без того потратили больше четырех миллионов... Снесли флигель Воспитательного дома, чтобы освободить место под ограду; вырубили под Выборгом две гранитные глыбы по полторы тысячи пудов каждая, под фигуры апостолов Петра и Павла, – одна глыба утонула вместе с баржей, другая свалилась с платформы уже в Петербурге, перегородив Аптекарский переулок. Когда ее еще оттуда уберут... Деньги и мужики скоро потребуются для иного, потому Александр и приказал завершить все работы, разобрать старую церковь и освятить новую. Вон лежит запасная колонна, которую должны были поставить посреди площади перед дугой колоннады... Не успели. Соорудили деревянный обелиск, увенчанный крестом на шаре. А постаменты под фигуры архангелов Михаила и Гавриила стоят пустые: Мартос не успел отлить их в бронзе.

Время от времени останавливаясь, преосвященный Амвросий кропил стены святой водой. Ему почти шестьдесят, но он еще довольно крепок. А вот московский митрополит Платон, венчавший Александра на царство, уже совсем одряхлел и доживает свой век в Вифании, выпустив из рук бразды. Надо будет навестить его при случае...

Вновь очутившись между высоких колонн с желобками, выстроившихся в четыре ряда у главного входа, с пением вошли внутрь: «Якоже вышняя тверди благолепие, и нижнюю сподобил еси красоту Святого селения славы Твоея, Господи!..»

Ничего не скажешь: внутри собор великолепен. Нежно-розовый мрамор на полу, таких же оттенков гранитные колонны... Весь камень отечественный: из-под Ладоги и Риги, из Карелии и Олонецкой губернии... Мастера-каменщики – тоже русские, ни одного иностранца; свод в куполе расписывал Шебуев, Царские двери – Боровиковский. Яшмовые колонны иконостаса привезены с Алтая. Золотить их основания не стали: денег нет.

Под чтение акафиста чудотворную икону поместили в резной иконостас. «Видев царь Петр, яко от святых икон Богоматерни благодатию Божиею содеваются многия чудеса, приемлет ю в путеводительницу воинству своему и в день брани на сее в щит и покров, и победив до конца врага с помощию Богоматере, тем камень совершенный во основание новаго царствующаго града положи, икону же Твою чудную, яко освящение, яко щит и ограждение, в сердце града постави...»

Александру тоже скоро потребуется защита и покровительство Богоматери. В конце августа он получил из Парижа депешу от Куракина: князь Александр Борисович подробно описал возмутительную сцену, развернувшуюся в Тюильрийском дворце в день рождения императора Наполеона. Прервав череду поздравлений, Наполеон вдруг встал с трона, спустился по ступеням и быстрым шагом подошел к российскому посланнику, стоявшему среди других дипломатов: «Вы имеете сообщить мне новости?» Опешивший Куракин не нашелся что ему ответить; Наполеон возвысил голос, чтобы его было слышно всем, и стал перечислять взаимные обиды: несоблюдение Россией континентальной блокады Англии, пошлины на ввозимые в Россию французские товары, захват Францией герцогства Ольденбургского и польский вопрос. «Если кризис не минует, я объявлю вам войну, и вы потеряете все ваши польские провинции. По-видимому, Россия хочет такого же поражения, как Пруссия и Австрия!..» Он говорил добрых три четверти часа, не давая Куракину вставить и слова. «Вы надеетесь на ваших союзников. Где они? Не на австрийцев ли, с которыми вели войну в девятом году и у коих взяли область при заключении мира? Не на шведов ли, у которых отняли Финляндию? Не на Пруссию ли, от которой отторгли часть владений, несмотря на то что были с ней в союзе?» И утверждал при этом, что Франция достаточно сильна, чтобы одновременно вести войну против Испании и России, держа в покорности немцев. Уверения Куракина в верности Александра Тильзитскому договору Наполеон оборвал презрительным восклицанием: «Слова!», но кончил тем же, что и во всех своих письмах: «Если вы хотите договориться, я готов. Есть ли у вас полномочия для заключения договора? Если есть, я разрешаю начать переговоры немедленно». В полнейшей тишине, под взглядами, устремленными на него со всех сторон, Куракин отвечал, что таких полномочий не имеет. «Так напишите, чтобы вам их прислали», – бросил ему Наполеон... Он знает, что переговоров не будет. И все это поняли прекрасно. Он хочет войны. Но обставляет дело так, как будто его принуждают к войне...

Священники кадили мощам, иконам, Евангелию, Кресту. Вслед за главным престолом освятили престолы в южном и северном приделах. Александр крестился и кланялся под «Господи, помилуй».

– Кто взойдет на гору Господню, кто станет на святом месте Его? – читал преосвященный Амвросий Псалом Давида. – Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно ближнему своему, тот получит благословение от Господа и милость от Бога, Спасителя своего...

Кто из них с Наполеоном не клялся ложно? Вся политика строится на притворстве. Сокровенной мысли не должно быть на устах, а сердцу и вовсе следует молчать. С чистыми руками и совестью, возможно, и взойдешь на гору Господню, но только не на трон... Прусский король Фридрих-Вильгельм, клявшийся Александру в братской любви, не осмелился ратифицировать тайный договор, чтобы вместе напасть на Францию, и вместо этого предложил союз Наполеону. Австрийский император Франц наверняка тоже подпишет с ним какую-нибудь конвенцию, ведь Наполеон ему зять. Да и сам Александр обнимался с Наполеоном в Тильзите и Эрфурте. Если французский император больше не верит словам русского царя, с какой стати ему доверять двум бывшим союзникам России, чьи владения он беспощадно обкорнал? Раны от обид и унижений заживают долго, а Наполеону к тому же нравится их растравлять. Что бумага? Она всё стерпит. Ее можно порвать и сжечь, заменив один договор другим.

Хор пел:

– Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы православным христианам на сопротивные даруя...

Старый граф Александр Сергеевич Строганов подал Александру на подушке ключи от нового храма. Он сильно исхудал, как-то весь съезжился, кожа словно пергаментная, щеки ввалились – ему, наверное, скоро восемьдесят. Но взгляд по-прежнему живой, волевой подбородок выпячен... Казанский собор он называет «своим». И вправду, без графа он бы не постро-

ился. А вон Михайло Ларионович Кутузов, военный губернатор Петербурга, оттирает платком пот со лба, дыша с присвистом после поклонов. И он много способствовал строительству, предоставляя места под склады, посылая солдат в помощь рабочим. На Конюшенной площади велел построить временные казармы на тысячу человек, с пекарнями и кухнями... Там жили только лучшие мастера – каменщики из Ярославля и Вологды, плотники из Костромы, гранильщики из Олонецкой губернии. Прочие, вроде белорусских землекопов, ночевали за городом, во дворах или конюшнях, спали на сырой земле. Вставали затемно, чтобы с рассветом приняться за работу, которая продолжалась до захода солнца с перерывом на обед, состоявший из тюри и огурцов... Крепостные работали только с весны до октября. Им платили по рублю в день; бумажный рубль стоил восемьдесят копеек серебром. Многие зарывали монеты в землю, чтобы не отдавать своему барину, и если умирали, то деньги не доставались никому... Отдельные же работы продолжались и зимой, в мороз, даже ночью, когда штукатуры и лепщики в рваных полушубках, забравшись на самый верх лесов, исполняли свое дело, зажав в зубах кольцо фонаря. Их обсчитывали и обижали; жалобы на подрядчиков обер-полицмейстер клал под сукно; слухи о злоупотреблениях доходили и до государя, но не может же он заниматься всем лично...

Выйдя из церкви, Александр и Елизавета сели в открытую коляску и под приветственные крики отправились по Невскому обратно в Зимний дворец. Золоченые кресты на куполе собора и обелиске сияли под солнечными лучами: день, хотя и прохладный, выдался необычайно погожим для середины сентября, словно и небеса радовались вместе с православными. Солдат вернули в казармы; народ допустили осмотреть новый храм и поклониться святыне.

* * *

Во всех окнах большого каменного дома Апраксиных на Знаменке горел яркий свет; вечер был в разгаре. Степан Степанович, два года назад сменивший генеральский мундир на зеленый фрак, расхаживал среди гостей, примыкая то к одному кружку, то к другому, следя за тем, всё ли хорошо и все ли довольны.

Молодежь обступила Петра Вяземского, который, сидя в кресле (он был еще слаб после тяжелой болезни), читал свои русские вирши, вызывавшие приступы веселья. Он сравнивал Петербург с Москвой:

У вас Совет,
Его здесь нет —
Согласен в том,
Но жёлтый дом
У нас здесь есть.
В чахотке честь,
А с брюхом лезть —
Как на Неве,
Так и в Москве.
Мужей в рогах,
Девиц в родах,
Мужчин в чепцах,
А баб в портках
Найдёшь у вас,
Как и у нас,
Не пяля глаз.
У вас «авось»

России ось
Крутит, вертит,
А кучер спит.

Глубоко посаженные глаза под надвинутыми на них бровями и слегка выступавшая вперед нижняя челюсть придавали молодому поэту диковатый вид; не различая по близорукости чужих лиц, он вынужден был вслушиваться в голоса, чтобы отвечать впопад. Зато когда говорил сам, его физиономия оживлялась и становилась даже привлекательной. Уже несколько дней девятнадцатилетний князь Петр официально носил звание жениха: его свадьба с княжной Верой Гагариной была назначена на восемнадцатое октября.

Невеста с матерью находились сейчас в одной из соседних комнат: Вера беседовала с сестрами Волковыми, а Прасковья Юрьевна в пышном шелковом платье *décolletée* сидела в креслах, обмахиваясь веером, посреди кружка из обступивших ее кавалеров. Ощупав цепкими серыми глазками ее туалет и отметив про себя, что даме под пятьдесят не следовало бы так оголяться, Екатерина Владимировна Апраксина улыбнулась ей одними губами и прошла к другим гостям. Она была гораздо моложе Прасковьи Юрьевны, одета с большим вкусом, не менее родовита, чем она, к тому же кавалерственная дама, однако в присутствии бывшей княгини Гагариной, носившей теперь фамилию Кологривова, неизменно испытывала ревнивое чувство обойденной соперницы.

Даже не являясь в свете (что было редкостью), Прасковья Юрьевна продолжала в нём царить: ни одно собрание не обходилось без рассказов о ее новых похождениях, тягаться с нею было невозможно. Ее первый муж Федор Гагарин, страстно ею любимый, погиб в Варшаве во время бунта 1794 года; сама она, будучи беременной, оказалась тогда с двумя маленькими сыновьями в руках мятежников и родила дочь Софью в узилище. Княгиня долго горевала о муже, носила в серье землю с его могилы, но затем с такою же страстью окунулась в водоворот самых разных развлечений. Балы, праздники, романы... Князь Иван Долгорукий прославлял «Парашу» в стихах. Разменяв пятый десяток, озорная княгиня поднялась под облака – забралась вместе с подругой, Александрой Турчаниновой, в корзину воздушного шара, который привез француз Гарнерен, и благополучно приземлилась в Остафьево – имении Вяземских. Соперник Долгорукого, Николай Карамзин, предлагавший Гагариной руку и сердце, тоже был ею отвергнут и женился на единокровной сестре юного Петруши Вяземского, Екатерине Колывановой, а по смерти князя Андрея Ивановича сделался его опекуном. Княгиня же предпочла известному поэту отставного кавалергардского полковника Петра Александровича Кологривова, человека недалекого и ничем не примечательного, зато доброго, щедрого, богатого и хорошего хозяина. О детях своей супруги полковник заботился, как о родных: обоих сыновей пристроил в гвардию, выплачивая им содержание, и стал подыскивать женихов для четырех дочерей.

Молодой богатый сирота Петр Вяземский, служивший в Межевой канцелярии и печатавший свои стихи в «Вестнике Европы», был самой завидной партией, хотя после смерти отца и пустился во все тяжкие, промотав на пирушках и за карточным столом чуть ли не половину наследства. Цветник княжон Гагариных манил его в Жарки – калужское имение Кологривова, он волочился за всеми сразу:

Надежда всю мою надежду отняла,
Любовь не платит мне любовью за любовь,
Я к Вере с верою, а Вера уверяет,
Что всякий тщетную надежду к ней питает;
Осталась Софья мне, хочу софистом быть,
Без Веры, без Любви и без Надежды жить!

Красавица Надежда Гагарина вышла замуж самой первой – за князя Бориса Святополк-Четвертинского, отец которого пал от рук злодеев во время того же страшного варшавского восстания; теперь она была на сносях. Князь Борис, снискавший себе славу во многих кампаниях против Бонапарта, недавно вышел в отставку и поселился в Москве, оставив в Петербурге своих сестер Марию и Жанетту, которые пленили сердца государя и цесаревича. Веру (Прасковья Юрьевна родила ее в Яссах во время турецкого похода) отчим просватал за сорокалетнего полковника Маслова, георгиевского кавалера. Невеста даже подарила жениху медальон со своим портретом, однако два полковника вдруг рассорились, помолвку разорвали. А в августе месяце, когда князь Петр среди прочих молодых людей гостил у Кологривовых, одна из княжон, чтобы проверить, остались ли еще рыцари среди нынешних мужчин, сняла с ноги башмачок и бросила в пруд. Добывать башмачок ринулись сразу несколько кавалеров, включая Вяземского – забывшего, что он не умеет плавать. Его вовремя вытащили: он не успел захлебнуться, зато простудился в студеной воде, испортив себе легкие. Княжна Вера, двумя годами его старше, сделалась его преданной сиделкой; Кологривов объявил незадачливому рыцарю, что тот как честный человек обязан жениться, чтобы не дать ходу сплетням. Так Вяземский неожиданно оказался женихом, но вовсе не был этим опечален.

Заливистый смех княжны Веры, то и дело доносившийся из гостиной, понемногу выманил туда любителей словесности. Дамы расселись на стульях, поставленных полукругом в несколько рядов, кавалеры встали у стены – начался концерт: Мария и Екатерина Волковы пели арии и дуэты из итальянских опер, а их брат Сергей аккомпанировал им на фортепиано.

В первом ряду сидели княгиня Мещерская с дочерью Настей. Авдотья Николаевна не любила светских развлечений и с большою охотою осталась бы дома, с какою-нибудь душещипательною книгой, но долг материнский побуждал ее приготовить дочь к тому, чтобы она могла себя чувствовать свободно в любой обстановке. Настенька всем ее радовала: скромна, добра, почтительна к старшим, но уж больно робка – при посторонних слова дельного не вымолвит, теряется совершенно, точно дурочка. Даже походка ее становится скованной, движения неловкими, а всё от самолюбия: боится осрамиться, хочет казаться лучше, чем есть на самом деле. Не узнавая в такие минуты свою умницу дочь, Авдотья Николаевна поняла свою ошибку: беседуя с Настей, она внушила ей идеал, к которому должно стремиться, и, хваля или порицая, всегда сравнивала с этим идеалом, а надо бы ей помериться и с живыми людьми, тогда она поймет, что ничем не хуже, а многим и лучше других барышень. Вот почему Мещерская повезла дочь к Апраксиным, которые жили поблизости (дом княгини был в Старой Конюшенной): пусть Настенька поглядит на других девиц и поймет, что не всем быть писаными красавицами или обладать большим талантом, однако нужно быть уверенной в себе, потому как непринужденность и смелое обхождение нравятся больше, чем потупленные глаза и стыдливый румянец.

Настенька была для Авдотьи Николаевны смыслом жизни, опорой и утешением. Борис Мещерский, за которого она вышла двадцати лет по большой любви, простудился на охоте и умер через три месяца после свадьбы. Однако всецелый Бог сделал так, что к тому времени вдова уже носила под сердцем дитя. Отняв у нее счастье супружества, Он даровал ей счастье материнства, чтобы она не изнемогла под бременем скорбей, болезней и забот по управлению весьма расстроенным имением. И заодно преподавал еще один урок, научив предусматривать несчастья. Не отличаясь крепким здоровьем, княгиня приучала свою дочь к самостоятельности, бережливости, опрятности, ведению хозяйства и распоряжению слугами, чтобы внезапное сиротство не оставило ее беспомощной. Кроме того, она условилась с графиней Анной Петровной Кутайсовой, своей соседкой по подмосковной усадьбе, что, когда Настеньке исполнится шестнадцать или семнадцать лет, она выйдет замуж за меньшого сына Анны Петровны, графа Александра Ивановича. Ему на днях сравнялось двадцать семь, он был уже генерал-майором, кавалером двух орденов и находился ныне в отпуску за границей – усовершенствовал свои

познания в фортификации, артиллерии и точных науках. Настеньке же было пятнадцать, и мать старательно готовила ее к семейной жизни, заставляя прилежно учиться, в том числе музыке и рисованию (Кутайсов знал шесть языков, играл на скрипке и увлекался живописью), заниматься рукоделием, вести себя благоразумно и осмотрительно, записывая все свои расходы в книгу, а еще призирила в своем доме сирот, о которых заботилась и барышня. Муж-генерал станет вести беспокойную жизнь, занимаясь важными делами, а потому непременно оценит, если, возвращаясь домой, будет находить там всё в полном порядке, всем довольных домашних, смысленных и почтительных детей, распорядительную и любезную жену, а не мотовку и щеголиху. Благодарность привяжет его к ней сильнее страсти. Впрочем, можно надеяться, что их соединит и нежная любовь. Жених и невеста даже немного похожи внешне: большеглазые, чернокудрые... Пройдя сквозь огонь стольких страшных сражений, граф Кутайсов каким-то чудом сохранил мягкие, полудетские черты: пухлые губы, влажный взгляд... В своих письмах к матери он передавал приветы Настеньке и прислал ей самой два коротких письмеца из Вены и Парижа, изящных и учтивых, и всё же дочь порозовела, прочитав «*très chère Anastasie*¹»... Даст Бог, следующей осенью сыграем свадьбу, храм Животворящей Троицы в Аносине будет окончательно отделан, и тогда Авдотья Николаевна, поручив дочь зятю, сможет посвятить себя Всевышнему. Он дал ей силы превозмочь невзгоды – оскорбительные слухи после смерти мужа, несправедливые притязания на его имения, возмущения крестьян; Он направлял ее, укрепив ее больной дух чтением трудов Димитрия Ростовского вместо романов французских вольнодумцев, которыми она зачитывалась в молодости; теперь Он дарует ей покой и тишину как единственную желанную награду.

Концерт окончился; певиц благодарили шумными рукоплесканиями. Настенька Мещерская, блестя агатовыми глазами, говорила с чувством Катеньке Волковой, своей ровеснице, как чудно она исполняла арию Клеопатры – верно, сама Каталани не спела бы лучше! Красавица Катенька слушала ее с видимым удовольствием (ее старшая сестра обладала более сильным голосом) и предложила как-нибудь спеть дуэтом, чем совершенно смутила зардевшуюся девочку: разве посмеет она петь на публике после того, что услышала сегодня?..

Апраксин пригласил всех пройти в столовую отужинать. Вера Гагарина и Мария Волкова бойко перебрасывались шутками со своими кавалерами; над столом порхал французский щебет; Настя Мещерская молчала, почти не поднимая глаз от своей тарелки; ее мать, страдая за нее, пыталась навести разговор на вещи, более ей привычные и понятные, но без особого успеха. Кто-то заговорил о комете, которая в сентябре стала особенно яркой: вон, ее даже отсюда видно в окно, если прижаться лбом к стеклу. Все оживились; эта комета была видна по ночам уже несколько недель, ее хвост краснел и увеличивался с каждым днем, загибаясь книзу трубой. Стали передавать друг другу всякие толки – к чему появляются кометы – и вспоминать различные анекдоты из древней истории.

– Это Господь посылает нам знамение, чтобы мы покаялись и об’ятились к Нему, – настаивательно произнесла Авдотья Николаевна, но картавость лишила ее слова серьезности.

– Суеверие! – покачал головой профессор Венсович. – Кометы суть небесные тела, как и звезды; ни те, ни другие не могут иметь никакого влияния на судьбу человеческую, разве что на погоду.

Ему на это возразили, что и погода вполне может повлиять на судьбу. Нынешнее лето выдалось непривычно холодным, жди недорода, а где недород – там и голод, болезни, беспорядки. И не у нас одних: вон, во Франции, в южных областях, летом, напротив, стояла страшная жара, и хотя вина обещают быть отменными, хлеб от засухи не уродился, а под Парижем весь урожай побилло градом во время небывалых гроз. Вот вам и комета.

¹ Дражайшая Анастасия (фр.).

С погоды и недорода разговор перекинулся на политику: заговорили о недавнем происшествии с князем Куракиным, о новых кознях корсиканца. Кому-то знакомый написал из Парижа о тамошних слухах, будто кто-то кому-то сказал, что следующее тезоименитство Наполеона будут праздновать в Петербурге. Это, конечно же, чушь, галльское хвастовство, но войны не миновать...

– Да кто это выдумал, будто у нас разрыв с Францией? – возмущился граф Ростопчин, перекрывая своим голосом галдеж молодых задир. – А ежели б и была война, так разве допустят его даже границу перейти? Это всё барыни выдумывают от безделья, а кумушки разносят слухи по городу. Никогда этого быть не может!

Федор Васильевич говорил так уверенно и твердо, что поселил сомнение даже в пророках неминуемой войны, которые только что приводили самые неопровержимые ее признаки. Княгиня Мещерская неодобрительно смотрела на его курносое лицо с глазами-плошками. «Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим», – вспомнилась ей фраза из Книги притчей Соломоновых. Сразу после ужина они с Настенькой простились с хозяевами и уехали домой.

* * *

Яркая красная звезда летела к земле, таща за собой хвост-помело, который разделялся надвое. Или это в глазах двоится? Назар сморгнул слезы и вытер глаза рукавом.

– Да-а, идзе бяда да мука, – вздохнул дедушка Никодим.

– А то яшче, кажуць, знов плачка зьявляцца стала, – подхватил дядя Никанор.

– Ды ну?

– Далибог правда. – Он перекрестился. – Куковьячинские хлопцы яе бачыли, як с поля вярталісь. Сядзіць на каменьчыку каля дароги, недалёка от могільніка, і галасіць. Уся в белым, валасы распушаныя до зямлі...

– Ратуй і захавай, – перекрестился и дедушка. – Няйнакш, вайне быць. Або хваробе. Або голаду вялікому.

Назара все эти разговоры повергли в еще большую тоску. Сосущее чувство тревоги поселилось у него в животе еще весной, как только объявили о рекрутском наборе этой осенью. Ему как раз исполнилось восемнадцать годков, из четверых братьев он был самый рослый, хотя и третий по старшинству. Большой брат, заменивший им всем отца, был уже женат и имел малого сына, и второй женат, лишь он, Назар, оставался холост, младший же брат – еще малолеток. Не приведи Господь идти в военную службу! Оттоль возврата нет!.. Лето, полное трудов, задвинуло страшную мысль на задворки, но стоило десятнику объявить общий сход, как она тут же протиснулась вперед, вцепилась в сердце острыми зубами. Назар лег на лавку, притворившись спящим, сам же ронял горячие слезы.

Плач и вой поднялся, как только дедушка с дядей Никанором вернулись со схода: семья Василенко записана четвертой. Назар побежал к Прокоповичам – и там все рыдают: пятыми записаны. Федор, товарищ Назара, с кем они вместе в кузне работали, слез не прятал; они обнялись и плакали вдвоем.

Потом хлопцы заложили тройку и поехали прощаться с родственниками. В Васильках, Куковьячине, Комарах предавались скорби великой, топя ее в самогоне. По другим дворам тоже бабий вой слышался: велено представить четырех рекрутов с каждых пятисот душ... Пели нестройно песни тоскливые, плакали, пили, снова пели... Повернули назад. У ворот родительского дома Назара встречала вся семья – никогда прежде такого не было, а ему это совсем и не в радость. В дом вошли; братья с невестками и даже старый дедушка Никодим пали пред Назаром на колени; малютка Пахом, крестничек его, тоже в ножки ему поклонился (видно, родители подучили): просили пойти охотой в военную службу. Одна матушка сидела на лавке блед-

ная, с каменным лицом. Сестрица Дуняша ее понуждает тоже просить, и крестный батюшка, Пимен Иванович, а матушка отказывается: для меня, говорит, все равны, не буду отдавать Назарушку без жребия! Упал Назар пред нею на колени, зарылся лицом в ее подол и зарыдал в голос. А она гладит его рукой по волосам, по плечам, а рука-то дрожит... Матушка родная... Пимен Иванович говорит: ну, так киньте жребий. Тогда Назар встал и сказал, что жребий кинет в Казенной палате. На том и порешили.

Десятник приказал рано утром быть всем в деревне Добрино, откуда семьи из списка будут отправлены в Витебск. Ночью никто не спал, разве только Пахомушка. Как рассвело, явились на двор соседи и родственники – провожать. Снова плач жалобный и причитания... Сердце сжалось... Назар просил матушку с меньшим братом дома оставаться, чтобы душу себе не травить, дедушка же поехал с внуками.

Дорогою больше молчали, да и о чём говорить? Чувал Назар, что у всех на уме было, да сам поддался малодушию. Почему он должен идти своею охотою? За что ему такая доля? За то, что высок да плечист? Оно понятно: жены старших братьев солдатками становиться не хотят – ни жена, ни вдова; на Василье всё хозяйство держится, Игнат грудью слаб. По всякому выходит, что Назару в солдаты идти, но страшно ведь! На двадцать пять лет! Почитай, что в могилу. Да и верней всего, что загинет он где-нибудь в неизвестности, в чужих краях...

В Витебске остановились на постоялом дворе, стали ждать. Явился староста выборный звать всех в Казенную палату. Надо идти. Во дворе братья с дедушкой вновь пали в ноги Назару: сделай милость, пойдя своею охотою! Слезы сами покатались из глаз; Назар зашагал вперед.

В Палате было много народу; мужикам велели раздеваться до рубашек. Дедушка куда-то отлучился, а когда вернулся, отвел Назара в большой зал с зеркалом до самого пола, к другим таким же парням в исподнем. В зале стоял дородный мужчина в генеральском мундире, с крестами и алой лентой через плечо, волосы зачесаны на лоб хохолком – сам губернатор. Назар оробел, как увидел его: сказывали на деревне, что новый губернатор – немец, родной дядя государев². И вправду, грозен лицом-то... Рядом с ним стоял другой офицер, с реестрами в руках, и по реестрам перекликали семьи четвериков и пятериков. Выкликнули Василенко; офицер спросил громко: «Кто из вас Назар?»

– Я Назар...

Собственный голос показался ему тонким и жалким. Генерал взглянул на него пристально, кивнул – и тотчас солдат, оказавшийся позади Назара, снял с него через голову рубашку.

Оставшись в чём мать родила, Назар совсем оробел. Сотни глаз смотрели словно на него одного, с жалостью, прощаясь навеки; он почувствовал себя осужденным, приведенным на казнь. Солдат подтолкнул его к лекарю, который, нимало не стеснясь, принялся его осматривать, даже рот велел открыть, показать зубы и высунуть язык – точно лошадь покупал на ярмарке.

– Всем ли здоров?

– Здароу, – тихо отвечал Назар со своим белорусским выговором. Он уже понял, что тяжкий жребий выпал ему.

Его подвели под меру – два аршина, четыре вершка и пять осьмых³. «Лоб!» – коротко приказал губернатор. Цирюльник состриг ему волосы надо лбом; Назар боялся теперь взглянуть на себя в зеркало, чтоб не расплакаться при всех. Не поднимая глаз, он делал, что ему велели: снова оделся, вышел в соседнюю комнату, где сидели забритые раньше него; у дверей стояли караульные солдаты. Потом всех вывели на большой двор. Там были два столика,

² Это был принц Александр Вюртембергский.

³ Примерно 1 м 71 см.

покрытые скатертями: возле одного стоял православный поп, возле другого – ксендз и тут же унтер-офицер с реестром. Подойдя в свою очередь к попу, Назар повторил подсказанные ему унтер-офицером слова присяги: «Я, Назар Иванов Василенко, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Евангелием, в том, что хочу и должен верно и нелицемерно служить Его Императорскому Величеству Александру Павловичу, Самодержцу Всероссийскому, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю, не щадя живота своего, до последней капли крови...» Поп дал ему поцеловать крест, который держал в руке; унтер-офицер вызвал следующего.

За оградой толпились родственники рекрутов. Высмотрев брата Игната, Назар крикнул ему, чтобы поехал за матушкой и привез ее сюда. Уже смеркалось; Игнат, работая локтями, пробирался сквозь толпу и быстро скрылся из глаз, а в небе вновь показалась проклятая хвостатая звезда...

Матушка приехала на второй день, утром, когда во дворе была перекличка. После нее офицер приказал разойтись по квартирам; Назар тотчас подбежал к матушке, которая всё смотрела мимо него, не узнавая. Увидев, наконец, ахнула, всплеснула руками и залилась слезами...

Через несколько дней рекрутам было приказано собраться на плац-параде для отправки к месту назначения. Закинув за спину мешок со сшитыми матушкой холщовыми рубашками, Назар тщетно высматривал ее в толпе отцов, братьев, матерей и жен, голосивших, причитавших, благословлявших, обнимавших в последний раз своих родимых. Во рту у него пересохло, он вглядывался до боли в пестроту шапок, платков и армяков, ощупывал взглядом незнакомые лица, выискивая родное... Велели садиться на подводы. Назар сел, свесив ноги; подводы тронулись. Провожавшие шли и бежали следом. Парни с балалайками наяривали плясовые и орали песни, бабы голосили, отцы выкрикивали последние напутствия... Ни матушки, ни брата Василя не было среди них: должно быть, им вовремя не сказали об отправлении рекрутов. Назар всхлипывал, неотрывно глядя назад на дорогу; потом отвернулся, закрыл глаза и стал читать про себя молитву Богородице.

Большую часть рекрутов отправили в какое-то депо (что это такое, Назар не знал), а самых рослых, включая его, отвезли под караулом в Петербург. Ехали на почтовых через Псков и Лугу; в начале октября добрались до самой столицы и пересекли ее насквозь, вертя головами и всему дивясь, пока не оказались в широкой улице с двумя рядами низеньких каменных домов, помеченных странными крестами над входом – концы, как ласточкин хвост. Это были Смольные казармы; там переночевали, а поутру явились в Мраморный дворец на смотр к цесаревичу.

Несколько сотен будущих солдат выстроили в двух больших залах в три шеренги; Назар очутился в первой. В зал вошел невысокий человек в мундире с золотыми эполетами и шнурами, с крестами и звездами, все офицеры тотчас сняли шляпы, прижав их к боку локтем. Назар понял, что это и есть великий князь Константин. Приказав двум задним шеренгам отступить назад, он пошел вдоль передней, оглядывая каждого быстрым взглядом серых глаз из-под очень светлых бровей и вынося свой приговор. Волосы у него тоже были почти белые, нос короткий, рот маленький. «В армию», – бросил он, взглянув на Назара. Но едва тот сделал пару шагов и повернулся к нему спиной, как цесаревич схватил его сзади за плечо, остановил и переменял свое решение: «В гвардию».

* * *

Яркие люстры отражались в стеклах темных арочных окон и полированном мраморе колонн. Под высоким сводом величественно звучал хор мужских голосов; от торжественных звуков, излучавших мощь и жизненную силу, по телу пробегали мурашки. Пение струн и гуд духовых вплетались в голоса, усиливая впечатление. Когда раздался завершающий аккорд, слу-

шатели восторженно заплодировали. Дирижер, молодой человек лет двадцати пяти или чуть старше, с пушистыми русыми бакенбардами на полных щеках, повернулся к залу и поклонился. «Браво, Курпиньский!» – кричали ему офицеры, хлопая в ладоши.

Князь Юзеф Понятовский пожал руку молодому композитору и поблагодарил за доставленное удовольствие. Кантата была посвящена императору Наполеону, среди публики оказалось несколько офицеров, сражавшихся под его знаменами или недавно вернувшихся из Испании. Музыка пробудила в них еще свежие воспоминания; вокруг рассказчиков, дополнявших свои слова оживленными жестами, составились кружки внимательных слушательниц. В гостиных и залах звучала польская речь с редкими вкраплениями французской.

Варшава бурлила; отовсюду съезжалась молодежь, стремившаяся вступить в армию, хотя призыв и не был объявлен. По вечерам трактиры, кофейни и садики при них были ярко освещены и полны народом: говорили, спорили, обнимались, смеялись, пели патриотические песни... Мальчики слушали с пылающими щеками рассказы старших о восстании Костюшко, об Итальянском и Египетском походах Бонапарта, о сражениях под Пултуском и при Прейсиш-Эйлау, о недавней войне, а после освистывали на улицах мужчин в штатском. Подростки мечтали о мундире и грезил о подвигах, родители не могли остановить их своими запретами. Боевые офицеры из Литвы и Галиции тоже приезжали в Варшаву. Совсем недавно князь Юзеф получил письмо от референдария литовского Тышкевича, мужа своей сестры Терезы, которое ему передал Тадеуш Булгарин – двадцатилетний сын покойного комиссара Бенедикта Булгарина, желавший стать поручиком в уланском полку. Этих манило скорое повышение по службе. Рассказы земляков, вступивших в войска Варшавского герцогства два года назад и сражавшихся в прошлую кампанию, действовали на этих юношей подобно пению сирен: к примеру, товарищ Булгарина, Дембовский, имевший в России чин подпоручика, был принят в службу капитаном и произведен в подполковники на поле боя. Сам же Булгарин больше года воевал в Финляндии, но так и остался корнетом. В Варшаве ему могли предложить только чин поручика в пехотном полку, он отказался и уехал в Париж. Что же делать! Князь Юзеф должен считаться с интересами поляков. На офицерские вакансии претендуют больше пятисот унтер-офицеров из дворян, из Польской гвардии Наполеона тоже присылают списки кандидатов. Офицеры, раненные в Испании и вернувшиеся на родину, не стремятся назад, залечив свои раны, предпочитая проливать кровь за свою Отчизну. Война неизбежна; Наполеон сдержит свое обещание и поведет поляков отвоевывать отнятые у них земли.

Как только это случится, Отчизна призовет к себе своих сыновей, где бы они ни находились: в Париже, как Евстахий Сангушко, в Литве, как Ромуальд Гедройц, или в России. Не испугавшись угроз царя, князь Доминик Радзивилл покинул Несвиж и на свои деньги создал 8-й уланский полк. Конечно, он имеет лишь самые общие понятия о военном деле, но важен настрой, порыв, самопожертвование. К тому же рядом с князем будут стоять опытные и закаленные в боях командиры: сам Понятовский, Юзеф Зайончек, Стефан Грабовский. Да и Кароль Княжевич, командор ордена Почетного легиона, непременно примкнет к ним, как только войско выступит в поход.

Гости начинали разъезжаться; князь Юзеф учтиво прощался с каждым. У карет во дворе Замка дожидались слуги с факелами, палившие на хвостатую звезду в темном небе: как будто побледнела... Окрики господ возвращали их с небес на землю.

Увы, Варшава не может претендовать на звание блестящей столицы: даже здесь, в самом сердце ее, улицы часто не мощены, сыры и грязны, к тому же плохо освещены, и у подъезда Народного театра, ресторанов и кофейен по вечерам дежурят мальчишки с фонарями, предлагая свои услуги господам, желающим вернуться домой, не подвернув ногу в рытвине и не искупавшись в луже. Что поделать, деньги уходят в первую очередь на армию. Зато театр каждый вечер полон: публика с равным восторгом встречает трагедии Шекспира и комедии Немецера, а после отправляется в ресторан Шаво на Наполеоновской улице (бывшей Мёдовой)

или к Пуаро на Длугой. Поляки умеют обернуть свои недостатки к своей же пользе: их переменчивый характер не позволяет им долго унывать и впадать в отчаяние, даже в несчастье они будут хохотать, а на смерть принарядятся. Они черпают силу в красоте. Вот почему князь Понятовский чернит свои волосы, скрывая седину, и возражает противникам чересчур роскошных мундиров: дух армии, выглядящей молодецкато, сломить не удастся.

Декабрь

«Сир, вы обладаете прекраснейшей монархией на земле, неужто вы беспрестанно будете раздвигать ее границы, чтобы оставить менее сильной руке, чем ваша, наследство в виде нескончаемой войны? История учит, что всемирной монархии быть не может. Остерегитесь слишком уверовать в ваш военный гений, чтобы не перейти через границы природы вопреки заветам мудрости».

Отдельные фразы из записки императору всплывали в памяти Фуше, пока он ехал из Ферьера в Париж. Наполеон назначил ему аудиенцию перед разводом караулов, это значит, что времени на обстоятельный разговор у них не будет. Бывший министр полиции просто вручит свою папку и откланяется. Но всё же лучше было бы найти несколько сильных и острых выражений, которые застряли бы в мозгу этого упрямого мула, побудив по-настоящему изучить записку, а не просто сунуть ее в ящик стола. Задача нелегкая. Обер-шталмейстер Коленкур, отозванный из Петербурга, где он больше двух лет был французским посланником, провел с Наполеоном больше пяти часов, пытаясь отговорить его от войны с Россией, – бесполезно. Император окружен льстецами и прихлебателями, которые говорят ему то, что он хочет слышать, а он принимает это за «мнение французов».

«Российская империя – Антей, которого можно победить, лишь задушив в своих объятиях. Ничто на свете не помешает вам перейти Неман и углубиться в леса Литвы, но переправиться через Двину будет потруднее, а до Петербурга всё еще останется сотня лье⁴. Вам придется выбирать между Петербургом и Москвой. В то время как вы будете давать сражения, половине вашей армии придется восстанавливать растянувшиеся и ненадежные коммуникации, перерезанные тучами казаков. Усталость, голод, нагота, суровость климата – как бы вам затем не пришлось сражаться между Эльбой и Рейном! Заклинаю вас именем Франции, вашей славы, во имя вашей и нашей безопасности: вложите меч в ножны, подумайте о Карле XII!»

Кстати, говорят, что Наполеон как раз много думает об этом шведском короле, разгромленном под Полтавой, и читает все книги о нём, Литве и России, какие только может найти. Вероятно, разбирает прошлые военные кампании, удачи и неудачи, прикидывает, как бы поступил он сам, и убеждает себя в том, что теперь всё иначе и он непременно победит. *«Конечно, Карл XII не мог располагать, как вы, двумя третями континентальной Европы и армией в шестьсот тысяч человек, но и у царя Петра не было четырехсот тысяч солдат и пятидесяти тысяч казаков. Вы скажете, что у Петра была железная воля, а император Александр кроток, но не заблуждайтесь: мягкотелость не исключает твердости духа. И кроме того, против вас будет большинство русской знати, семья императора, фанатичный народ, закаленные в бою солдаты и интриги Сент-Джеймского кабинета. Неукротимый остров может поколебать верность ваших союзников. Ваши собственные подданные могут обвинить вас в безрассудных амбициях, малейшая неудача разрушит основание вашей империи».*

Весной прошлого года Наполеон попытался установить контакт с английским кабинетом для заключения мира, помешав сделать то же самое Фуше. Провал переговоров (только по его вине!) он объяснил интригами министра, отправил его в отставку, выслал в Ферьер... Пока ему не пришло в голову что-нибудь еще, Фуше сам уехал в Италию и хотел укрыться в Америке, но оказалось, что он совершенно не переносит морских путешествий. Даже до Англии ему было

⁴ Лье – мера расстояния, равная примерно 4 км.

бы не добратся. Пришлось вернуться и запереться в своем замке, держа под рукой надежное оружие – компрометирующие бумаги. Наполеон неохотно отказался от мысли об аресте Фуше и Талейрана (бывшего министра иностранных дел и агента на содержании у России), не желая лишний раз будоражить общественность: у каждого из его приближенных рыльце в пушку, внезапная расправа с двумя бывшими столпами его власти неизбежно встревожила бы высших чиновников, заставив опасаться за свое будущее и подтолкнув к неразумным поступкам. Фуше жил в Ферьере, не напоминая о себе, но продолжая собирать информацию, сопоставлять и анализировать. Франция стоит на пороге катастрофы, дольше молчать нельзя. Наполеон возмнил себя Александром Македонским; и успех, и неуспех его новой авантюры в равной мере пагубны для Франции. Последствия поражения понятны и так, но и победа обернется великой бедой, ведь он не остановится! Он просто не может остановиться! Он грезит о мировом господстве! А это значит, что он поведет армию дальше – в Турцию, Персию, Китай, Индию!

Лакей вел Фуше знакомым путем через анфиладу пышно обставленных комнат во дворце Тюильри. Вот и рабочий кабинет: раскладной письменный стол, заваленный книгами, папками, бумагами, картами, скатывавшимися оттуда на ковер цвета «испанский табак», красное бархатное кресло с позолоченными подлокотниками в виде львиных морд, большие напольные часы... Наполеон в конно-егерском мундире стоял у стола, заложив руку за борт жилета.

– А, вот и вы, герцог Отрантский! Я знаю, что вас ко мне привело.

– Знаете, сир? – эхом отозвался Фуше.

– Да, вы хотите представить мне записку.

– Но как...

– Давайте сюда, я прочту.

Фуше машинально подал ему папку. В голове вертелась только одна мысль: как он узнал, кто донес? За ним следят? Подозрительный и недоверчивый, Фуше жил в своем замке отшельником, заслонившись от внешнего мира тремя кордонами из слуг. Неужели кого-то из них подкупили?

– Впрочем, мне известно, что война в России вам так же не по душе, как и война в Испании, – сказал Наполеон, небрежно бросив папку на стол.

Фуше очнулся, вспомнив, зачем он здесь.

– Сир, я не думаю, что можно без опаски сражаться одновременно за Пиренеями и за Неманом; желание упрочить навсегда могущество вашего величества придает мне мужества, чтобы представить кое-какие соображения по поводу нынешнего кризиса.

– Нет никакого кризиса, – резко оборвал его Наполеон. – Вы не можете судить ни о моем положении, ни о всей Европе. После моей женитьбы там решили, что лев задремал – пусть посмотрят, дремлет ли он. Испания падет, как только я уничтожу английское влияние в Санкт-Петербурге; мне было нужно восемьсот тысяч человек, и они у меня есть; я волоку за собой всю Европу. Европа – старая потасканная шлюха; с восьмью сотнями тысяч солдат я сделаю с ней всё, что пожелаю. Разве вы не говорили мне раньше, что для гения нет ничего невозможного? Так вот, через шесть-восемь месяцев вы увидите, на что способны обширнейшие комбинации вкупе с силой, способной их воплотить. Я сверяюсь со мнением армии и народа, а не с вашим, господа: вы слишком богаты и беспокоитесь за меня лишь потому, что опасаетесь разгрома. Будьте покойны, смотрите на войну в России как на победу здравого смысла, истинных выгод, покоя и всеобщей безопасности.

Фуше сделал протестующий жест, пытаясь возразить, Наполеон остановил его, выставив вперед ладонь.

– Разве вы сами не побуждали меня в своё время идти вперед? А теперь осуждаете и хотите сделать из меня доброго короля? – Император стал в позу, как на портретах, и заговорил, точно на дипломатическом приеме: – Моя судьба еще не свершилась, я хочу закончить начатое. Нам нужен европейский кодекс, европейский кассационный суд, единая монета, еди-

ная система мер и весов, единые законы; я должен превратить все народы Европы в один народ и сделать Париж столицей мира. Вот, господин герцог, единственная развязка, которая мне подходит.

Сбитый с толку, Фуше отчаянно пытался собраться с мыслями и всё же повернуть разговор в другое русло, однако Наполеон не дал ему сказать и слова:

– Сегодня вы мне плохой слуга, потому что вы себе воображаете, будто всё может перемениться, но не пройдет и года, как вы станете служить мне с тем же усердием и рвением, как во времена Маренго и Аустерлица. Прощайте, господин герцог; не стройте из себя опального или фрондера и побольше доверяйте мне.

Сняв с лица маску суровости, Наполеон придал ему милостивое выражение, хотя глаза его не улыбались. Аудиенция была окончена. Фуше низко поклонился и стал пятиться к дверям; император повернулся к нему спиной еще прежде, чем он вышел.

* * *

«Напрасно поляков пытаются представить Вашему Императорскому Величеству беспокойной нацией, стремящейся сбросить иго России и неуправляемой. От метода, который употребят к управлению ими, зависит вся выгода, какую можно будет из этого извлечь. Напрасно порочат репутацию талантливых людей, называя их прямой и неизменный характер бунтовщицеством и непокорностью. Эти люди за тысячу верст от столицы кажутся беспокойными и опасными, но все они одержимы лишь одним недугом – желанием носить имя поляка и, призванные Вашим Императорским Величеством, станут первыми орудиями Вашей славы и самыми верными из подданных. Верите ли Вы, государь, что жители Варшавского герцогства и те из Ваших польских подданных, что вздыхают о Польше, любят лично Наполеона? Конечно нет, у них нет причин испытывать к нему чувства любви и признательности, но он ласкает их надежды, и они видят в нем возродителя их Отечества. Оберните же его оружие против него – и Вы увидите, как укрепятся привязанность и восторг, внушаемые Вашими личными качествами».

Александр отложил бумагу и поморщился. Целый год сенатор Михал Огинский донимает его своим прожектом – созданием Великого княжества Литовского из Литвы, Белоруссии и трех украинских областей в противовес Великому герцогству Варшавскому. Князь Адам Чарторыйский пишет из Парижа, что тамошние поляки не доверяют Огинскому, считая его непостоянным и неглубоким человеком. Дипломат на службе польского короля, великий подскарбий литовский, командир летучего отряда в армии Костюшко, связной польского правительства в изгнании, известный музыкант и композитор, наконец, русский сенатор – Огинский считает, что разбирается и в политике, и в финансах, и в военном деле, однако ему свойствен порок всех удачливых людей: он думает, что своими успехами обязан собственным талантам, а не стечению обстоятельств. Вообразив себя сведущим в областях, о которых имеет лишь самое поверхностное представление, он берется давать советы. Как будто, если бы всё было так просто, легких решений не нашли прежде него! Князь Адам тоже мечтает о возрождении Польши, но не позволяет увлечь себя химерам. Даже если российский император вместо обещаний (как Наполеон) предоставит варшавцам *гарантии* этого возрождения, они вряд ли отрекутся от идола, на которого молились так долго: «Дух зла, всегда готовый разрушать комбинации, слишком счастливые для человечества, расстроит и эту». Правдиво и честно.

Допустим, Огинский прав в том, что в Литве Наполеона не считают мессией, как в Варшаве. Его прихода могут даже опасаться, ведь император французов, в молодости бывший якобинцем, несет завоеванным им народам «свободу», отменяя везде крепостное право и средневековые традиции. В самом Варшавском герцогстве навязанный им Кодекс наделал большой переполох, особенно в том, что касалось собственности, браков и наследства. Но заигрывать

со шляхтой, поощряя их надежды на национальное возрождение? Множество земель в Белоруссии были розданы в награду русским помещикам и генералам. Волынь и Киевщина вряд ли пожелают именоваться Литвой. И князь Огинский совсем не думает о том, как отнесутся в России к созданию нового национального княжества, да еще и со своей конституцией. Сохранение самоуправления и коренных законов в Финляндии после ее недавнего присоединения и так уже вызвало ропот. Даже Наполеон все новые земли, присоединяемые к своей Империи, обращает во французские департаменты...

Литва кишит французскими шпионами. Их выявляют десятками, но сколько их было и что им удалось разузнать? Правда, один виленский дворянин признался сам, что его хотели сделать неприятельским агентом, и согласился работать на русскую разведку. Через него Санглен сумел подсунуть французам фальшивые печатные карты западных областей Российской империи, но по одному человеку нельзя судить обо всей нации. Война назревает и непременно разразится в будущем году. Войска уже стянуты к границе. Прощаясь с Коленкуром, Александр твердо заявил ему, что Неман переходить не станет, но если Наполеон форсирует сей Рубикон, его встретит народ, готовый сражаться до последнего. Рекруты, лошади и провиант для армии – вот какая любовь нужна сейчас российскому императору от литвинов. Если они отдадут всё это ему, Наполеону уже ничего не останется. Обещать им можно всё, что угодно, с той оговоркой, что исполнено это будет после победы. Придвинув к себе последний лист записки Огинского, царь написал внизу по-французски:

«Теперь уж нечего думать об административных мерах и об организации наших восьми губерний, надо позаботиться об усилении средств к защите. Поэтому прошу вас объяснить мне виды ваши относительно военных средств, которые соотечественники ваши в подвластных мне губерниях могут *теперь* предоставить в мое распоряжение».

1812 год

Февраль

К несуслазному зданию театра Казасси то и дело подъезжали сани и экипажи, высаживая седоков. Давали «Дмитрия Донского» – трагедию Озерова, пользовавшуюся неизменным успехом уже пять лет подряд. С тех пор как год назад сгорел Каменный театр, все спектакли шли здесь, и каждый вечер деревянный театр набивался под завязку. Студенты, чиновники средней руки, купчики, финансисты, помещики, проводившие зиму в Петербурге, заядлые театралы – публика подбиралась самая пестрая, невзыскательная и благодарная.

Прапорщик Литовского лейб-гвардии полка Павел Пестель уже один раз видел «Дмитрия Донского»; к радостному возбуждению от свободного вечера и морозной погоды добавилось предвкушение восторга, который он, как и все прочие зрители, испытывал от игры знаменитого Яковлева и от стихов, которые тот декламировал своим могучим голосом. «Буря и натиск» Фридриха Клингера, главноуправляющего Пажеским корпусом, не шла ни в какое сравнение с этой пьесой!

Не вовремя явившись, мысль о Клингере заставила Павла дернуть щекой. Чопорный немец, считавший русских существами низшего порядка, стал одним из врагов, которых Пестель сумел себе нажить за полтора года пребывания в Пажеском корпусе. В его глазах сын сибирского губернатора был выскочкой, наглецом и вольнодумцем, которому еще рано становиться офицером. Наспех усвоенные знания не могут быть прочными, уверял он государя, после того как Пестель набрал 1303 балла из 1360 возможных: сто по курсу дипломатии и политики, восемьдесят пять по долговременной фортификации, сорок по полевой фортификации, почти отличный результат по атаке и обороне крепостей, артиллерии, черчению планов, тридцать из сорока по тактике, и даже экзамен по фрунтовой службе, впервые включенный в программу, он сдал хорошо, причем самому императору. А знанием языков и связным представлением об истории он был обязан исключительно домашним учителям и трем годам учебы

в Дрездене; шалопаи-пажи, помыкавшие робкими и бездарными преподавателями, впустую тратили время, отведенное на эти уроки. Государь сам вручил Павлу шпагу, слегка коснувшись рукой его щеки, когда он преклонил перед ним колени. Вспомнив об этом, Пестель украдкой взглянул на новенькое блестящее кольцо на левой руке, с цифрами «1» (место, занятое им на экзаменах) и «1811». Внутри была выгравирована надпись: «Ты будешь тверд, как сталь, и чист, как золото». Как театрально... Совершенно в масонском духе...

Юноша занял свое место в креслах. Трижды прозвонил колокольчик. Занавес раздвинулся; на сцене появился шатер великого князя Московского.

За сценой военного совета зрители следили, затаив дыхание. Татарский посол пугал русских нашествием девяти орд семидесяти князей, которое Мамай согласен остановить взамен дани, но Димитрий предпочитал позорному миру смерть в бою.

Вы видели, князя, татарскую гордыню.
России миру нет, доколь ее в пустыню
Свирепостью своей враги не превратят,
Иль к рабству приучив, сердца не развратят,
И не введут меж нас свои злостные нравы.
От нашей храбрости нам должно ждать управы,
В крови врагов омыть прошедших лет позор
И начертать мечом свободы договор.
Тогда поистине достойными отцами
Мы будем россиян, освобожденных нами.

Зал взорвался аплодисментами.

Все актеры были хороши: и Мочалов в роли князя Тверского, и Екатерина Семенова в образе княжны Ксении, но Алексей Яковлев воистину царил на сцене, полностью преображаясь в московского князя, обуреваемого страстями: любовью к милой и к отечеству, жаждой отомстить врагам и отстоять свободу – своей земли и своей возлюбленной, которую отец хотел против воли сделать женой другого. Конфликт между Димитрием и князьями был выписан мастерски: влюбленный князь сетовал на «нравы, которые делают тиранов из отцов и вводят их детей в роптание рабов», но его непокорность и желание настоять на своем пугала князей больше Мамаевых орд:

Что пользы или нужды,
Что ты с отечества сорвешь оковы чужды
И цепи новы дашь?..

Неужто бунтарь, умеющий мыслить свободно и не терпящий насилия над своей волей, непременно превратится в деспота, как только сам придет к власти? Пестель много размышлял над словами своего любимого преподавателя, Карла Федоровича Германа, о бесценной выгоде самодержавия для обширных и незрелых государств, делающих скорые успехи, повинаясь воле всемогущего монарха. Да, сильный духом, умный, справедливый человек творит благо, навязывая свою волю другим, но лишь потому, что он был вознесен на вершину благодаря своим заслугам, а не по праву рождения. Вот и бояре в конце концов признают превосходство Димитрия и склонятся пред его властью. Но если путь к вершине есть путь самосовершенствования, то пребывание на ней, похоже, развращает; оказавшись выше облаков, человек теряет связь с землей. У него кружится голова, а за этим неминуемо следует падение. Взять, например, Наполеона...

Однако Павел не успел додумать эту мысль, захваченный действием пьесы. Когда в финале израненный Димитрий, одержавший две победы – над врагом и над соперником, – вышел на авансцену и встал на колени, воздев руки к небесам, по всему телу юноши пробежала дрожь, а горло сжало спазмом.

Прославь и утверди, и возвеличь Россию!
Как прах земной, сотри врагов кичливу выю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
Языки ведайте – велик Российский Бог! —

звучал проникновенный голос актера.

Едва он закончил, Пестель вскочил на ноги, бешено аплодируя.

– Фора! – неслось из неистовавшего партера и с балкона. Артисты выходили на поклон.

Шум рукоплесканий всё еще звенел в ушах, когда Павел очутился на большой площади перед театром. Подставив разгоряченное лицо ветру, он по детской привычке ловил ртом снежинки, которые падали из ночной черноты, кружась в неслышном вальсе. У выхода для артистов собралась порядочная толпа, тут же стояли три нанятых извозчика с запряженными тройкой санями. Вот толпа загомонила; Пестель посмотрел туда. Вышел Яковлев, его подняли и на руках отнесли в первые сани. Он встал в них, обернулся, снял шапку, картинно поклонился, разведя руки в стороны. Павел случайно встретился с ним взглядом. Одутловатое лицо молодого уже актера показалось ему глубоко несчастным, он словно отправлялся на казнь. Но тотчас это выражение сменилось маской циничного равнодушия к собственной участи. Трагик воздел руку вверх и выкрикнул что-то удалое (похоже, он уже успел опрокинуть стаканчик в примерке). Разразившись смехом, толпа принялась грузиться в сани. Лошади рванули с места, тройки унеслись в темноту, исчезнув в мельтешении снега.

* * *

На улицах и набережных, примыкающих к площади перед дворцом Тюильри, образовалась страшная толкучка из людей и экипажей. Некоторые дожидались в каретах по два часа, сидя впотьмах, пока наконец часы не пробили десять и для экипажей не открыли решетку. Дамы в декольтированных платьях из тюля и ажурного атласа, украшенных гирляндами искусственных цветов, поднимались по мраморной лестнице, блистая бриллиантовыми колье и драгоценными камнями в волосах.

Театральный зал превратили в балльный; напротив оркестра установили помост для императора и его семьи. Камергеры проверяли пригласительные билеты, указывая дамам места на четырех рядах банкетов, расставленных вдоль стен. Не представленные ко двору не имели права участвовать в танцах, их отсылали в ложи – увы, не рассчитанные на полторы тысячи человек.

В одиннадцать часов гудение в зале смолкло, как по волшебству: появился император. Он был в красном фраке с золотым шитьем, белых штанах до колен и таких же чулках, с бархатной круглой шапочкой на голове; с ним под руку шла императрица в белом платье с широкой серебряной каймой, поверх которой были прикреплены букеты из розовых роз и бриллиантовых колосьев. Бал начался.

По своему обыкновению, Наполеон обходил ряды гостей, беседуя с некоторыми из них о делах, пока Мария-Луиза танцевала контрданс с маршалом Бертье. Голландская королева Гортензия де Богарне составила пару с гофмаршалом Дюроком, супруга маршала Даву – с генералом Нансути. Посвященные обменялись понимающими взглядами: согласно этикету, установленному самим императором, в третьей паре кавалером должен быть обер-шталмейстер;

замена Коленкура могла означать лишь одно: Наполеон им недоволен, это опала. В числе приглашенных был русский посланник князь Куракин; Наполеон прошел мимо него, не удостоив ни слова, ни взгляда.

После контрданса началась кадриль, для которой младшая сестра Наполеона, Каролина Мюрат, королева Неаполитанская, отобрала самых хорошеньких фрейлин и самых ловких придворных танцоров, опередив королеву Гортензию (хозяйку следующего бала). Балетмейстер Депрео, ставивший еще королевские балеты в Версале, измучил всех репетициями, задумав чересчур сложный сюжет. Сначала в зал вошли двенадцать мужчин в бело-синих костюмах; надетые на них бочонки непонятного предназначения вызвали смешки, хотя по сюжету танцоры изображали созвездие. Но тут явилась богиня Ирида с роскошной копной светлых волос поверх радужной шали – прелестная шестнадцатилетняя графиня Легран (жена пятидесятилетнего старика). На дебютантку воззрились с любопытством, перешедшим в восхищение, когда она исполнила свое соло с уверенностью и изяществом. Следом вышли Тибрские нимфы в платьях из белого муслина, расшитыми по подолу золотыми дубовыми листьями, с камышовыми венками и вплетенными в косы цветами. Их преследовал очаровательный белокурый Зефир (гусарский капитан и ординарец императора). Далее настал черед Полины Боргезе, еще одной сестры императора, являвшей собой Италию. На ней был римский золоченый шлем с поднятым забралом и страусовыми перьями, в руках она держала чешуйчатый золотой щит и небольшое копье. Муслиновая туника почти не скрывала точеную фигуру с пленительными формами; браслеты на руках и золоченые ремни на пурпурных сандалиях были украшены лучшими камнями из коллекции князей Боргезе. Полина предавалась отчаянию, жестами умоляя о помощи. Нимфа Эгерия (госпожа де Ноайль) показала ей в волшебном зеркале уготованную ей блестящую судьбу, и отчаяние сменилось надеждой. Под воинственную музыку в танец вступили гении Победы, Торговли, Земледелия и Искусств, объявив о приходе Франции, то есть королевы Каролины. На ней тоже был шлем с перьями, сверкавший бриллиантами, гранатами и хризопразами величиной с пятифранковую монету, золотой щит с бирюзой, сапожки с бриллиантами, шитый золотом красный бархатный плащ поверх белой атласной туники. Италия и Франция скрестили копья. Внезапно музыка сменилась на нежно-небесную, возвестив выход Аполлона (одного из адъютантов Бертье), вокруг которого танцевали Часы – двадцать четыре придворные дамы, оттенки нарядов которых менялись от светлых к темным, знаменуя собой смену дня и ночи. Цифра на лбу указывала час; ночные танцовщицы были уже в возрасте; увидев старую графиню де Круи-Шанель под знаком «12», какой-то остряк заметил вслух, что ее время давно уже вышло. Аполлон, одетый в жуткое розовое трико, белые чулки и алый плащ, упорно пытался брэнчать на лире, извлекая из нее нестройные звуки, и к тому же косил одним глазом. Зато Зефир порхал вокруг Часов, раздавая им цветы. Гении принесли парадную мантию и доспехи, в которые Каролина облачила Полину, подарив ей напоследок портрет коронованного младенца – Римского короля, сына Наполеона и Марии-Луизы. Чтобы принять его из рук Франции, Италия опустилась на колени, а Нимфы, Часы, Гении, Звезды, Ирида и Зефир пустились в пляс.

На этом кадриль завершилась, и бал продолжился как обычно. Полина сменила доспехи на тюлевое платье с зеленым бархатным корсажем, расшитым драгоценными камнями. Лакеи разносили прохладительные напитки для зрителей в ложах, не имевших права подойти к буфету. В половине второго ночи гостей угостили великолепным ужином; Коленкура на него не позвали. Император был весел, переходил от стола к столу, вспоминал далекую юность, Военное училище в Бриенне и скудные обеды... Час спустя императорская чета удалилась в свои покои.

Наутро Наполеон сурово отчитал Каролину:

– Где вы откопали такой сюжет для вашей кадрили? Чушь какая. Да, Италия покорила Францию, но она недовольна этим. С чего вам в голову взбрело изобразить ее счастливой?

Нелепая, смешная лесть! – Он обернулся к злорадствовавшей про себя Гортензии. – А вы? Тоже готовите какую-нибудь нелепицу? Предупреждаю: я не люблю комплиментов.

– Нет-нет, моя кадриль никак не связана ни с вами, ни с политикой, – поспешила заверить его падчерица.

– Вот и ладно. – Наполеон ходил взад-вперед по гостиной, не в силах успокоиться. – Ох уж эти женщины, с полком управиться проще!

Кадриль Гортензии состоялась через пять дней, в последний день карнавала. Столица веселилась напоследок перед началом Великого поста; в Опере, в театре Императрицы, в зимнем саду Тиволи, Цирке и Прадо шумели маскарады, в частных домах тоже танцевали. Однако ложи для зрителей в Тюильри вновь заполнились до предела. На сей раз бальному залу придали овальную форму и помоста возводить не стали: предполагалось, что члены императорской семьи в маскарадных костюмах смешаются с гостями. Мужчины облачились в домино разных цветов (кроме черного: его Наполеон запретил); дамы, напротив, блистали разнообразием своих нарядов. Сам император был в зеленом домино – точь-в-точь таком же, как у его свиты, чтобы его было трудно узнать. Пятидесятилетняя графиня Тышкевич нарядилась испанкой, надеясь пленить Талейрана – любовь всей своей жизни, ради которого она покинула мужа и родину.

Первая кадриль состояла из двадцати четырех танцовщиц в костюмах крестьянок из разных провинций Империи, от Корфу и Тосканы до берегов Эльбы и Рейна, включая исконные области Франции. Нормандка отличалась изяществом поз и благородной посадкой головы – в ней узнали императрицу; селянкой из Прованса оказалась Каролина. Самым красивым признали польский костюм герцогини де Кастильоне: юбка из золотисто-белого атласа, спенсер фиалкового цвета, отороченный песцом, и бархатная шапочка с золотым шитьем, к которой была прикреплена райская птица. Взявшись за руки, они промчались через весь зал под звуки фарандолы, в которой сплетались народные мотивы Гаскони и Оверни. Вторую кадриль вела Полина Боргезе: четыре дамы в неаполитанских костюмах, украшенных жемчугом, кораллами, золотом и серебром, исполнили тарантеллу под звуки мандолины, потряхивая бубнами и стуча кастаньетами. Но это всё были только закуски перед главным блюдом – кадрилью королевы Гортензии. Сюжет, почерпнутый у Мармонтеля, разворачивался в Перу в шестнадцатом веке. Десять перуанок щеголяли в коротких красно-синих газовых юбках с золотыми и серебряными полосами; на их груди сияло солнце, а на голове – диадема с красными перьями. Шестнадцать перуанцев в трико и газовой тунике носили те же украшения; каждый костюм обошелся в триста франков. Эти «дикари» окружили кастильского офицера Алонсо, отставшего от отряда Писарро в поисках пропавшего сына. Оставив женщин охранять пленника, мужчины отправились за луками и стрелами, чтобы убить его. Пока женщины исполняли боевую пляску, явился сын Алонсо (юный паж императора) и бросился к ногам отца. Его слезы смягчили сердца перуанок, однако мужчины уже натягивали тетивы своих луков. В этот момент слышались звуки торжественной процессии: явилась великая жрица Солнца (Гортензия) в бриллиантовом венце с перьями какаду; за нею шли другие жрицы в черных масках и муслиновых платьях с золотой бахромой. Пленникам объяснили танцем, что им даруют жизнь, если они станут поклоняться солнцу, на что оба с радостью согласились. Кадриль завершилась веселым хороводом.

– А, вот это лучше, гораздо лучше, чем у вас! – сказал Наполеон своей сестре. Каролина надулась.

Праздник продолжался. Императрица сменила свой наряд на греческий костюм с тюрбаном на голове и кинжалом на поясе; бриллианты покрывали ее с головы до ног. Толстая жена военного министра Кларка изображала Париж и держала в руке большой ключ. Польская патриотка Мария Вавельская, родившая Наполеону сына, тоже была здесь – в скромном костюме краковской поселанки.

После ужина, который подали в голубом фойе с большими зеркалами, гости стали разъезжаться. Доступ к дворцу был разрешен только для придворных экипажей, поэтому зрителям из лож пришлось идти пешком до площади Карусели под проливным дождем, низвергавшимся с черного неба на дорогие шляпы, плащи и накидки, разливая коварные лужи под легкие туфельки.

* * *

«Сир, к нам только что поступили известия о том, что дивизия под командованием маршала Даву в ночь на 27 января захватила шведскую Померанию, продолжила свое движение, вступила в столицу герцогства и овладела островом Рюген. Король ждет от Вашего Величества объяснения причин, побудивших Вас действовать вразрез с существующими договорами».

Написав последнюю фразу, Бернадот невольно подумал о том, что король, конечно же, ничего не ждет и вряд ли даже понимает, что случилось: он совершенно впал в детство. Хотя наследный принц и объявил после возвращения двора в Стокгольм из Дротнингхольма, что передает бразды правления его величеству Карлу XIII, по сути, его регентство продолжается. Именно Карл Юхан послал генерала Энгельбрехта в Штральзунд, требуя объяснений, но вместо ответа на его письмо Даву отправил местных шведских чиновников в гамбургскую тюрьму, заменив их французами. Черт знает что! В какие игры с ним играет Бонапарт?

«Беспричинное оскорбление, нанесенное Швеции, болезненно ощущается ее народом, а мною – вдвойне, сир, поскольку мне выпала честь защищать ее, – продолжал писать Бернадот. – Я способствовал торжеству Франции, всегда желал ей счастья и уважения, но мне никогда и в мысли не приходило пожертвовать интересами, честью и независимостью моего приемного отечества. Не завидуя Вашей славе и могуществу, сир, я не желаю считаться Вашим вассалом».

Наполеон грозил отнять Померанию еще больше года назад, и Швеции пришлось объявить войну Англии. Конечно, эта война существовала только на бумаге; Штральзунд и Рюген по-прежнему использовали для торговли (вернее, контрабанды), но Бернадот еще тогда растолковал Бонапарту, что поступить иначе значило бы обречь Швецию на голод и нищету, лишив Францию надежного союзника. Шведы оказали высокое доверие маршалу французской Империи, избрав его своим наследным принцем, и он докажет всем, что они не ошиблись в выборе.

«Ваше Величество повелевает большей частью Европы, но Ваша власть не простирается до страны, призвавшей меня. Мои устремления сводятся к ее защите – вот участь, уготованная мне Провидением. Воздействие вторжения чревато непредсказуемыми последствиями. Хотя я не Кориолан и не команду вольсками, я достаточно хорошего мнения о шведах, сир, чтобы уверить Вас, что они способны на всё, чтобы отомстить за оскорбление и сохранить права, которые важны для них не меньше самого их существования».

Наполеон твердит об интересах Франции, но думает только о себе. Бернадот понял это еще двадцать лет назад, во время войн во имя Революции: истинные республиканцы стремились к свободе и равенству для всех, а Бонапарт – к власти для себя. Он говорил, что служит Республике, а сам потешался над нею. Теперь он говорит, что служит Франции...

Бернадот покажет ему, что значит служить своей стране. Он прекрасно знает, что, призывая его сюда, многие надеялись вернуть с его помощью Финляндию, отнятую Россией, думая, что за его спиной стоит могущественный император французов. (Они заблуждались: избрание Бернадота стало для Наполеона неприятной неожиданностью.) Наполеон собирается воевать с Александром; он будет сулить шведам, как полякам, подачки за помощь, одновременно отбирая у них свободу и заставляя плясать под свою дуду. Так вот, этому не бывать! Финляндия. Что Финляндия? Она слишком нужна России. Даже если ее удастся вернуть, в будущем царь непременно отвоюет ее обратно. Собирать войска, строить корабли, вверяться коварной стихии? Не лучше ли захватить не менее обширную страну, которая не отделена от Швеции

водой, – Норвегию? Это владение Дании, а шведы ненавидят датчан. Дания под пятой у Бонапарта, сама она не сможет оказать сопротивления, а император слишком занят сейчас, чтобы отвлекаться... Да, именно так! Бонапарт угрозами вынудил прусского короля заключить с ним военный союз, изменив клятве в верности, данной Александру; Бернадот уравнивает эту ситуацию, пообещав свою помощь царю. Например, отправить войска в Германию, если шведам позволят захватить Норвегию.

Закончив письмо к Наполеону, Бернадот отдал его секретарю, чтобы зашифровать и отправить, а сам написал записочку к графу Карлу Лёвенгелю, прося его явиться для беседы. Лёвенгельм сражался в Норвегии и на Аландских островах, если он одобрит план наследного принца... то его и следует послать в Петербург для переговоров о заключении наступательного союза.

* * *

Чернышев вытер платком вспотевшее лицо и бросил в огонь новую пачку бумаг. Желтые зубы пламени обкусывали края, прогрызали середину, листы извивались в безмолвном крике, чернея и рассыпаясь. Нанесенные тушью линии чертежей, впрочем, по-прежнему были отчетливо видны; Саша разбил их кочергой.

Вернувшись с отпускной аудиенции у императора, он сел у камина прямо на пол, вытряхнув на ковер содержимое ящиков стола и разных тайников. С собой он сможет взять только самое ценное, то есть свежее, всё остальное – в огонь. Копии топографических карт, чертежи крепостей и укреплений, рецепт приготовления пороха нового состава, рисунки оружейных замков и транспортных повозок, письма от Карла Юстуса Грюнера – начальника прусской Высшей полиции, сводные данные по численности и составу французских армий, добытые для него Мишелем из военного ведомства, записочки от Полины и Каролины... Завтра утром он уедет в Петербург и, скорее всего, больше не вернется в Париж, нужно замести все следы. Бонапарт не подал виду, будто в чём-то его подозревает, но он прекрасный актер. Возвращаясь из Тюильри, Саша специально велел кучеру свернуть в боковую улицу, выскочил из экипажа и спрятался в подворотню; через пару минут мимо него проехал фиакр, которому пришлось сдавать назад, чтобы вписаться в поворот. За ним следят!.. Шифры полетели в огонь.

Во время аудиенции Наполеон вручил Чернышеву письмо к императору Александру, но, как обычно, не ограничился этим, а пустился в пространные рассуждения, которые флигель-адъютант должен был передать государю на словах. Снова сыпал упреками по поводу несоблюдения Россией континентальной системы, выставял себя жертвой несправедливого отношения в деле о герцогстве Ольденбургском: он ведь предлагает компенсировать герцогу утрату этих владений!.. Саша знал, что князь Куракин считает разумным вступить в переговоры о компенсациях, чтобы выиграть время и оттянуть начало войны до тех пор, пока Россия не заключит мир с Турцией и не получит возможность перебросить войска к границам Варшавского герцогства. Наполеон, понятное дело, сможет оборвать их в любой момент, как только получит хоть малейший предлог начать войну, выставив себя оскорбленным. «Если судьбе будет угодно, чтобы две величайшие державы на земле ввязались в драку из-за дамских пустяков, я стану вести войну как галантный кавалер», – заявил он сегодня. Суесловие. Пасынок Бонапарта, Евгений де Богарне, уже ведет армию из Италии к Эльбе. В землях Рейнской конфедерации и Варшавском герцогстве готовятся к походу двести тысяч человек; завершается формирование еще девяти армейских корпусов; Австрия скоро подпишет договор, который заставит ее отправить к русской границе тридцать тысяч солдат; Пруссия добавит к ним еще двадцать тысяч...

Часы пробили четверть первого ночи. Голова болела, в глаза точно насыпали песок. Поспать немного перед отъездом? Саша заранее приказал Степану разбудить себя в половине пятого... Да, пожалуй. Чернышев поднялся, морщась от боли в затекшей спине и коленях.

Ворвавшись в раскрытую дверь, сквозняк взметнул пепел в погасшем камине. Обгорелый клочок бумаги с аккуратной буквой «М.» вылетел мотыльком из очага, порхая, опустился на пол и забился под краешек ковра.

Март

Под сводами бывшей церкви Спасителя, превращенной во время Революции в хлебный рынок, волновалась галдящая толпа, которая расшумелась еще пуще при виде двух жандармов, прокладывавших дорогу префекту Кальвадоса и мэру Кана. «Явились, не запылились!» – приветствовали их насмешливые голоса. Префект, мужчина лет сорока с мясистым лицом судейского чиновника и красным бантом ордена Почетного легиона в петлице, выставил вперед обе ладони, призывая к тишине.

– Граждане, успокойтесь! – заговорил он, как только шум стих достаточно, чтобы его могли услышать. – Вы действуете себе во вред! Затеявая беспорядки, вы рискуете только ухудшить снабжение города! Поверьте... – Он приложил правую руку к сердцу. – Не в нашей власти снизить цены на хлеб...

– Ах вот как! – визгливо закричала одна из женщин. – На что нам тогда такая власть? У меня шестеро детей, в доме ни крошки хлеба и денег ни гроша – чем я их буду кормить? В приют мне отдать их, что ли? А самой пойти побираться?

Молодой парень в грязной куртке и деревянных башмаках, надетых, несмотря на холод, прямо на босу ногу, схватил мэра за шиворот и толкнул на мешок с зерном; тот повалился на пол, заслонив лицо руками.

– Вот, возьмите! – поспешно сказал женщине префект, достав из кармана серебряную монету в пять франков с профилем Наполеона в лавровом венке. – Возьмите и ступайте домой!

В ту же секунду к нему протянулись десятки рук. Префект похолодел. Денег при нем было совсем немного – не больше восемнадцати франков мелочью. Он вытряхнул их на ладонь из кошелька и бросил в толпу. Монеты со звоном упали на каменный пол, к ним тотчас бросились женщины и мужчины, наступая друг другу на руки, толкаясь и бранясь. С улицы слышался барабанный бой, вселивший в чиновников надежду на спасение. Они устремились к выходу, провожаемые свистом и улюлюканьем.

Подоспевший из замка полковник – высокий и крепкий старик, седой как лунь, – смог привести с собой только двадцать пять жандармов (остальные были заняты на рекрутском наборе), однако ружья, взятые наперевес, заставили толпу покинуть рынок, который тотчас заперли на замок. Начавшийся дождь не остудил разгоряченные головы: постояв некоторое время на площади, человек двести двинулись к реке, разбив по дороге окна в здании префектуры метко пущенными булыжниками. Жандармы издали наблюдали, как грабят мельницу Монтегю. Оставив позади себя разодранные мешки и месиво из втоптанной в грязь муки, в котором ползал избитый мельник (а вот не будет муку продавать за границу!), бунтовщики понесли свою добычу домой; город успокоился.

Префект, однако, боялся, что это затишье перед бурей. Послав нарочного в Шербур за подкреплением, он отправил по оптическому телеграфу сообщение в Париж министру внутренних дел. С утра следующего дня на улицах патрулировали солдаты, а еще через день в Кан вступила тысяча солдат Императорской гвардии во главе с генералом Дюронелем, адъютантом Наполеона.

По узким деревянным лестницам с канатными перилами застучали сапоги; из окон вырывались женские вопли; по площади Спасителя, клином упиравшейся во Дворец правосудия, волокли арестованных – ткачей, кружевниц, моряков, чесальщиц, поденщиков и прачек; среди

них были и растрепанные седые старухи, и тощие подростки. Из тюрьмы их доставляли в Замок, где заседал военный трибунал из семи старших офицеров и писаря, созданный генералом Дюронелем. Император дал ему четкие инструкции: спуску никому не давать, чтобы впредь было неповадно.

Суд занял меньше суток. В девять часов утра из ворот замка вывели восемь человек: четырех мужчин и столько же женщин – и расстреляли у стены. Все они находились в злополучный день на хлебном рынке и были осуждены за подстрекательство к насилию, грабежу и разору. Еще восьмерых отправили на каторгу, десять приговорили к пяти годам тюрьмы, восемь человек отправили служить во флот, семнадцать поместили под надзор полиции, одиннадцать оправдали. Исполнив поручение императора, Дюронель покинул Кан: беспорядки вспыхнули не только там.

* * *

– Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и вове-еки веко-ов...

До рассвета оставался еще час; морозец пощипывал за уши и охлаждал затылок; от церковного пения, раздававшегося в мгlistых сумерках, по коже бегали мурашки. Назар Василенко, солдат 2-й гренадерской роты лейб-гвардии Литовского полка, левой рукой прижимал к груди свой кивер, а правой крестился, когда положено. В животе бурчало от тоскливой тревоги: выступаем в поход! Поп со служками шел вдоль строя, махая кропилом; Назар ощутил ледяные брызги на лице. «Господи, умиლოსердись над грешными нами, благослови и помоги нам!»

Фигура цесаревича Константина была хорошо видна в свете воткнутых в землю факелов. По окончании молебна полк прошел перед ним церемониальным маршем повзводно; Назар старался тянуть носок и не сгибать ногу в колене (спина еще помнила науку). «В добрый путь!» – говорил великий князь; в ответ гвардейцы гаркали: «Ура!»

С огромного Семеновского плаца выступили к Московской заставе. Одеться было велено по-походному; ранцы и ружья сложили на подводы, оставив на себе только амуницию: две португези, обхватывавшие грудь крест-накрест, с патронной сумой, тесаком и штыком в ножнах. Несмотря на ранний час, провожать полк в дальний путь явилось множество народу: не все молодые солдаты прибыли издалека; рядом с марширующими батальонами бежали отцы, пытаясь напоследок поцеловать сыновей или хотя бы благословить их крестным знаменем, а позади тянулись городские экипажи, в которых сидели матери, жены и дети офицеров. Сердце Назара сжалось от печали: он-то идет на войну без материнского благословения... Чует ли матушкино сердце, где он сейчас? Думают ли о нём родные или уж позабыли, точно его и на свете нет?..

* * *

«17 марта, 8 часов вечера». Увидев мелкий, быстрый почерк государя, Михайло Михайлович Сперанский испытал неимоверное облегчение. Обычно его записки к императору с просьбой назначить время для доклада возвращались в тот же день, редко – на следующее утро, но со времени подачи записки, которую он держал сейчас в руках, прошло целых семь недель! К докладу накопилось множество бумаг, и одновременно в душе поселилась тревога: почему нет ответа? Государственный секретарь утешал себя тем, что государь занят приготовлениями к войне, важнее этого дела нет ничего, он получает тучи донесений и рапортов, которые надлежит осмыслить и обдумать, и допоздна засиживается с графом Аракчеевым, председателем Военного департамента; любая ошибка может стать роковой, надо набраться терпения и ждать... Порадовавшись тому, что оказался прав в своих предположениях, Сперанский еще раз просмотрел все бумаги, разложив их в логическом порядке.

В секретарской не было ни души, приемная перед кабинетом тоже была пуста. Часы пробили восемь; Сперанский постучался и вошел в двери. Государь сидел за столом, его лицо было светлым и приветливым; последние комочки беспокойства рассосались. Встав с правой стороны от государя (он был туговат на левое ухо), Михайло Михайлович заговорил о делах; Александр слушал его внимательно, одобрительно кивал или делал ободряющие замечания. Когда он в последний раз поставил свою подпись с пышным замысловатым росчерком, Сперанский собрал все бумаги обратно в папку и поклонился, ожидая приказа удалиться. Однако император не спешил отпускать его. Встав из-за стола, он сделал несколько шагов по кабинету, как будто обдумывая что-то или набираясь решимости, потом остановился, приняв величественную позу.

– Надобно мне объясниться с вами, Михайло Михайлович.

Его голос звучал совершенно спокойно, в нём не слышалось ни гнева, ни раздражения, ни досады, слова нанизывались одно на другое, точно бусины на нитку, составляя гладкие, правильные фразы, звучащие неразделимым потоком. Самовластие государя не есть произвол: он принимает на себя великую ответственность пред Высшим судьей, но также и перед подданными своими, вручившими ему судьбу свою. Долг христианский подразумевает кротость и всепрощение, но долг государев побуждает к строгости и справедливости. Есть вещи, которые можно исправить, а есть иные, не допускающие снисхождения. Не умаляя заслуг государственного секретаря на службе своему государю и отечеству, нельзя закрыть глаза на целых четыре его вины, грозящих самыми пагубными последствиями, особенно в нынешнее время, когда все силы следует собрать в единый кулак для отражения грозного неприятеля. Первая вина: Сперанский стремился к войне с Наполеоном, тогда как предотвращение кровопролития есть главная обязанность облеченных властью. Вторая вина: он вмешивался в дела дипломатические, до его ведения не относящиеся. Вот его собственноручное письмо, в котором он признается, что из любопытства читал депеши русского посланника в Дании. Третья вина: хотел изменить Сенат, учрежденный еще Петром Великим, разделив его на две части и тем самым умалив его важность, не говоря уж о больших издержках и трудностях, связанных с этой реформой. Наконец, четвертая вина: не пожелал примириться с министром полиции Балашовым, внося тем самым разлад в Государственный совет. Вот записка с отказом от встречи для примирения; доказательства неопровержимы. Всё вышеперечисленное не оставляет государю возможности и далее сохранять Сперанского при своей особе, но в качестве последней милости он позволяет Михайле Михайловичу подать просьбу об увольнении от службы и лично представить ее завтра утром.

Кровь прилила к бледному, чуть удлинённому лицу Сперанского и гулко стучала в ушах. Он молча повернулся и пошел к выходу, однако у самых дверей спохватился: он же не простился с императором! Поза Александра утратила свою торжественность, теперь он стоял вполоборота, понурившись. Сделав несколько неуверенных шагов, Сперанский с поклоном пожелал ему доброй ночи. Внезапно государь вскинул голову, шагнул к нему и крепко обнял. Жесткий край стоячего воротника царапал щеку; Сперанский прижимал к боку папку с бумагами, не зная, куда деть вторую руку. «Имел я несчастье – отца лишился, а это – другое», – услышал он вдруг скорбный шепот. Объятия разжались, ровный голос произнес:

– Ступайте, Михайло Михайлович. Доброй ночи.

Пока карета ехала по набережной и Сергиевской улице, Сперанский размышлял о том, как вести себя завтра утром и что сказать государю. Он не собирался оправдываться; столь длительный разрыв во встречах с императором говорил сам за себя: царь всё обдумал, его решение бесповоротно, оставалось лишь поблагодарить его за доброту и попросить разрешения удалиться в свою деревню. И всё же нужно как-то исхитриться и вставить хоть пару слов о наиглавнейших делах и проектах...

Возле двухэтажного углового дома напротив Таврического сада карета остановилась. Выйдя из нее, Сперанский увидел стоявшую тут же кибитку; в душе вновь ворохнулось дурное предчувствие. Он вошел в переднюю и чуть не столкнулся там с частным приставом в светло-синем мундире, хотел потребовать объяснений – и услышал чужие голоса, доносившиеся из кабинета. Растерянный Лаврентий с подсвечником в руке хотел что-то сказать, но лишь бестолково разевал рот, хлопая себя другой рукой по ляжке; на лестнице стояла гувернантка дочери, англичанка, кутая в теплый платок свои острые плечи... Не раздеваясь, Сперанский прошел в кабинет.

На лице Балашова ясно читалось торжество; он сплющивал полные губы, чтобы они не растянулись в довольную улыбку. Рядом стоял крючконосый Санглен с круглой головой, облепленной неопрятными черными кудряшками.

– Господин Сперанский! – торжественно провозгласил министр полиции. – Я нахожусь здесь для того, чтобы объявить вам высочайшую волю: изъять у вас все бумаги для представления его величеству и препроводить вас нынче же в Нижний Новгород под караулом. Пристав и кибитка готовы; собирайтесь.

Стол, обычно оставляемый пустым, уже был завален бумагами, вынутыми из ящиков. Сбросив шубу на руки маячившему в дверях Лаврентию, Сперанский решительно подошел к секретеру, достал всё, что там было, переложил на стол, начал складывать бумаги без разбора в аккуратные пачки, заворачивать в оберточную бумагу и запечатывать сургучом. На каждом пакете он делал надпись: «Его Императорскому Величеству в собственные руки» и проставлял порядковый номер. Упаковав таким образом всё до последнего листочка, он вытребовал у Балашова расписку в получении, написал небольшое письмо дочери Лизаньке, отдал его гувернантке... Лаврентий уже надел шинель и держал в руках узел с вещами. Балашов и Санглен проводили опального царского любимца до кибитки; пристав сел на облучок; полозья заскрипели по булыжникам, проступившим из-под снега.

...Государь прогнал Сперанского!

Невероятная новость в несколько часов облетела столицу; в департаментах, канцеляриях, трактирах, кофейнях, гостиных говорили только об одном. Вы слышали? – Не может быть! Да полно, верные ли ваши известия? – Самые верные! – Боже правый! Радость-то какая!

Видя повсюду счастливые лица, Алексей Андреевич Аракчеев только плотнее сжимал свои тонкие губы. Он не был другом Сперанскому и далеко не во всём с ним соглашался, однако отдавал должное его уму, трудолюбию и честности. Безусловно, государь не расстался бы с ним без весомой причины, и всё же так внезапно... Если верить Дмитриеву, Сперанский вызвал гнев императора тем, что позволял себе критиковать политику правительства, ход внутренних дел и предсказывать неудачи в грядущей войне. Выслушав министра юстиции, Аракчеев пристально глянул в его воловьи глаза и уточнил: государственный секретарь делал это приватным образом или гласно? Иван Иванович слегка запнулся: сии речи велись в узком кругу близких людей, но не всё ли равно? Не ответив, граф пошел по своим делам.

Всеобщее ликование напомнило ему события одиннадцатилетней давности: императора Павла Петровича не стало тоже в марте... Какая радость царила тогда! Незнакомые люди обнимались и целовались на улице, как в светлое Христово воскресенье, будто не понимая, что празднуют жестокое, чудовищное преступление! Еще вчера они пресмыкались и дрожали пред императором, а ныне мстили своим весельем за пережитый страх и унижение. Павел был им ненавистен тем, что полностью перевернул уклад всей жизни. Выгнал из гвардии младенцев, из армии и канцелярий – желавших получать чины и ордена, не служа, указал дворянам на истинное их место – слуг государевых...

Аракчеев замедлил шаг, задумавшись. Ведь и Сперанский, по сути, добивался того же! Подготовленные им указы об обязательной службе для придворных, об экзаменах для производства в чины, задуманная реформа Сената с целью превратить его из синекуры в реально

действующий орган власти – вот что вызвало лютую ненависть к «поповичу», посягнувшему на вольности дворянства. Но почему же государь...

В приемной сидел Санглен. Аракчеев невольно нахмурился. Этот француз, родившийся и выросший в Москве, болтливый и острый на язык, был ему смутно неприятен, тем более что возглавляемая им канцелярия при Министерстве полиции занималась слежкой и шпионством. (Признавая нужность, даже необходимость этой деятельности, Алексей Андреевич всё же не мог считать ее благородной.) Они коротко поздоровались; Санглена тотчас вызвали к императору, Аракчеев остался ждать своей очереди.

...Невнимательно слушая отчет Санглена, Александр предавался тяжелым мыслям. Он лишил себя верного слуги, умного и дельного человека, искреннего и бескорыстного, но разве мог он поступить иначе? Все ополчились на Сперанского; в каждом письме от сестры Екатерины непременно был упрек в адрес «лицемерного семинариста», преклоняющегося перед Наполеоном и навязывающего русским чуждый им уклад. Она считает, что брат слепо доверился коварному и неблагодарному человеку, Александр же ясно видел, что это Катиш поддавалась влиянию Ростопчина и Карамзина, зачистивших к ней в Тверь. Он устал бороться и защищать своего любимца; тучи сгущались, скоро грянет гром, и тогда уже нельзя будет тратить время и силы на интриги. Даже противники Сперанского признают, что предлагаемые им меры «хороши, да не ко времени». Сейчас время «Русского вестника» с его галлофобией и квасным патриотизмом; отъезд Михайлы Михайловича – необходимая жертва для блага государства.

Император взял со стола первую попавшуюся книгу и рассеянно листал ее, продолжая размышлять.

Это же не арест! В Нижнем Сперанскому будет хорошо и покойно. И здесь наконец-то воцарится тишина, как только уляжется ликование... Люди – мерзавцы! Еще вчера утром они заискивали перед госсекретарем, ловили его улыбку и благосклонный взгляд, а ныне радуются его высылке и поздравляют Александра, точно он одержал великую победу! Вот кто окружает государей!

Захлопнув книгу, государь с гневом бросил ее на стол:

– О, подлецы!

Санглен умолк, недоуменно глядя на него.

* * *

Седые волосы бывшего морского министра Шишкова торчали во все стороны непокорными вихрами, лоб был изборожден волнообразными морщинами, лицо с дряблой кожей – точно измято, и пахло от него чем-то кислым и приторным. Наверняка он плохо спал этой ночью, мучаясь догадками о том, зачем понадобился императору. После обычных фраз Александр нарочно выдержал паузу, чтобы усилить смятение, затем мягко произнес:

– Я читал рассуждение твое о любви к отечеству. Имея таковые чувства, ты можешь быть ему полезен.

Ожидаемый эффект был достигнут: старик теребил пальцами пуговицу на адмиральском мундире, его колени слегка дрожали, но Александр не предложил ему сесть и сам остался стоять.

Утвердив год назад устав «Беседы любителей российской словесности», представленный ему министром просвещения графом Разумовским, Александр не посетил ни торжественного открытия этого общества, ни какого другого его заседания, чем вызвал даже неудовольствие матушки, благоволившей Шишкову – душе и основателю «Беседы». Его передергивало при одной мысли о том, чтобы провести несколько часов среди болтливых стариков, мнивших себя кладезями мудрости и упивавшихся чтением велеречивой галиматши, «взывавшей к русскому сердцу». Однако вдовствующая императрица не преминула послать сыну книжку «Чтений в

Беседе любителей русского слова», особо отчеркнув в ней шишковское «Рассуждение о любви к отечеству». Это было длинное, многословное пустозвонство, где сваливались в одну кучу греки, спартанцы, славяне и одна-единственная мысль повторялась на все лады: любовь к отечеству подобна любви к матери, которую невозможно впитать иначе, чем с ее же молоком. Александру всегда были неприятны похвалы родному болоту из уст куликов, не способных понять перелетных гусей. Он хотел было отбросить книжку и забыть о ней, но передумал, пораженный внезапной мыслью. А что, если ему не стоит полагаться на собственный вкус и предпочтения? Ему несимпатичен Ростопчин, чем-то обвороживший Катиш, однако его шапкозакидательские «Мысли вслух на Красном крыльце», огрубленные под просторечие, ходят в списках по Москве и губерниям; потешаясь над французами, читатели умиляются над словами о России. Так может, именно этим языком и нужно говорить сейчас с народом? Французские солдаты идут в бой с криком «Vive l'empereur!»⁵, но для воодушевления целых народов этого мало. Отечество! Вот за что не жалко отдать свою жизнь! Отечество было, есть и будет, оно не способно одряхлеть, выжить из ума, предать или отречься; даже растерзанное или отнятое, оно не прекратит своего существования, оставшись жить в сердцах своих детей (поляки тому примером). Можно быть недовольными правительством, бунтовать против властей, но к Отечеству питают только любовь и сыновнюю нежность. Вера, Надежда, Любовь – они должны идти сейчас впереди Мудрости-Софии.

– Кажется, у нас не обойдется без войны с французами, – продолжал Александр доверительным тоном. – Нужно произвести рекрутский набор. Я бы желал, чтобы ты написал о том манифест.

Рука Шишкова взлетела к вороту мундира, вдруг ставшему тесным, но остановилась, слегка дрожа.

– Государь! – заговорил он, волнуясь. – Я никогда не писывал подобных бумаг! Не знаю, могу ли достойным образом исполнить сие поручение...

Александр посмотрел на него искоса, удивленно приподняв светлые брови. Шишков опомнился:

– Я попытаюсь! Вот только... осмелюсь спросить: как скоро это надобно?

– Сегодня, – небрежно произнес Александр, наслаждаясь замешательством матушкиного протеже. – Или завтра.

Сперанский сказал бы: «Будет исполнено» – и действительно исполнил бы всё в лучшем виде. Морщины Шишкова пришли в движение.

– Приложу всякое мое старание...

Он переступал с ноги на ногу, его щеки тряслись, на лбу выступила испарина.

– Но должен донести вашему величеству, что я подвержен головным болезням, которые так иногда усиливаются, что я лежу в постели пластом. Вот и сегодня, проснувшись с головною болью, я опасаюсь... как бы она не лишила меня сил исполнить ваше повеление вскорости...

– Ежели не можешь скоро, то хотя бы дня через два-три, – сухо ответил Александр, всем своим видом выказывая неудовольствие. – Ступай, я не держу тебя.

Шишков вышел, пятась и кланяясь.

«Издавна сильный и храбрый народ российский любил со всеми окрестными народами пребывать в мире и тишине, соблюдая свой и других покой; но когда бурное дыхание восстающей на него вражды понуждало его поднять меч свой на защиту Веры и Отечества, тогда не было времен, в которые бы рвение и усердие верных сынов России во всех чинах и званиях не оказалось во всей своей силе и славе, – читал Александр через день листы, исписанные старческой рукой. – Ныне настает необходимая надобность увеличить число войск наших новыми запасными войсками. Крепкие о Господе воинские силы наши уже ополчены и устроены к обо-

⁵ Да здравствует император! (фр.)

роне Царства. Мужество и храбрость их всему свету известны. Надежда престола и державы твердо на них лежит. Но жаркий дух их и любовь к Нам и к Отечеству да не встретят превосходного против себя числа сил неприятельских!..» Ну что ж... Пусть напишут на последней странице правила рекрутского набора. Император подмахнул Манифест и отдал секретарю для передачи в Сенат.

Апрель

Получив приказ выехать в Вильну, флигель-адъютант Серж Волконский собрался с быстротой и легкостью ветерана. Будь он молодым подпоручиком, только что выпущенным из Кадетского корпуса, он, к радости купцов и мастеровых, заказывал бы себе сейчас вычные седла, чтобы увезти с собой всё, что надавала бы ему тата: походную кровать, стол и стул, набор посуды, сундук со сменной одеждой... Но Серж уже давно штабс-ротмистр, боевой офицер и кавалер, он предпочитает седлу казачий выюк, не набивающий лошади спину, мягкий чемодан для платья, маленький чайный погребец вместо походного сервиза, добрую верную бурку, защищавшую его и от холода, и даже от пули, теплые сапоги и башлык. Что еще? Ах да: подушку с казачьего седла, флягу для водки, пару кастрюль... хотя можно обойтись и котелком: он будет сыт солдатской кашей.

...Прапорщик Пестель нагонял свой полк, выступивший в поход пешком еще месяц назад, когда он валялся в постели с жестоким бронхитом. За это время Великая армия перебралась через Одер, ее авангард двигался к Кёнигсбергу. Государь выехал в Вильну, чтобы принять командование армией, а Пестель покинул Петербург спустя три дня после него. Сборы сопровождались всеобщими хлопотами, суетой и суматохой, но уже в Луге Павла догнало письмо от маменьки, отправленное с оказией, в котором она сокрушалась о том, что он забыл дома чайную ложку и пять рублей. Писанные по-французски письма от родителей были полны немецкой сентиментальности и назидательности, благословений и советов. Папенька переживал, что сын уехал в колесной кибитке, а не в санях, как император; из Пскова Павел написал домой, что все крестьяне путешествуют на колесах, несмотря на глубокий снег, о нём не нужно беспокоиться, он совершенно здоров, к тому же за шестьдесят верст сэкономил двадцать пять рублей. В семье сибирского губернатора, не бравшего взяток, привыкли считать каждую копейку, утешая себя немецкой пословицей: *Wenn die Not am größten, ist Gottes Hilfe am nächsten*⁶. Зато Иван Борисович верил в полезные связи и засыпал сына рекомендациями о том, кому и как ему следует представиться по прибытии в главную квартиру: «Чем больше молодой человек, который выходит в свет, имеет видных знакомств, тем лучшее о нём составляется мнение».

...Когда объявили отдых, солдаты попадали прямо на землю, покрытую рыжей прошлогодней травой, не обращая внимания на озерца холодной грязи. Весь этот поход был мукой мученической. Сначала приходилось брести по колено в снегу, потом снег начал таять, и обозы увязали в грязи, вынуждая ушедших вперед солдат питаться всухомятку одними сухарями. Достигнув мест, где должны были быть приготовлены фураж и провиант, выясняли, что ни того, ни другого нет. Офицеры ругались с чиновниками и помещиками, а потом посылали солдат отбирать всё нужное у крестьян без меры и веса, выдавая взамен квитанции – просто филькины грамоты. У Динабурга надо было переправляться через Двину, которая вскрылась ото льда, унеся вместе с ним и мост. Ни саперов, ни, тем более, понтонеров в гвардейском полку не имелось, навести переправу было некому. Солдатам велели рубить деревья, сколачивать плоты, вставать на них и плыть на ту сторону. Назар никак не мог поверить, что это та самая река, что течет мимо Витебска. Там-то она не шире полусотни саженой будет, а тут – сотни полторы. И глубокая! На середине шесты не доставали до дна и были годны лишь на то, чтобы льдины отпихивать; плот закрутило, завертело течением; темная холодная вода плес-

⁶ Чем больше нужда, тем ближе помощь Господа (нем.).

кала с краев, проникая сквозь щели – не приведи, Господь, потонем! Назар творил про себя молитву, стуча зубами от страха. Обозных лошадей выпрягли из повозок и погнали вплавь; и за них крестьянское сердце изболелось. Пара плотов таки рассыпались, всё, что на них было, ушло под воду; люди барахтались с жалкими криками; им протягивали шесты, они пытались ухватиться скрюченными пальцами... Страху-то! Переправились, надо дальше идти – в батальоне больные объявились. Назара тоже бил озноб, но он решил, что скажет об этом офицеру, только если его назначат на фуражировку. Пусть от голода брюхо подвело, нет у него сил отнимать у людей последнее. Бабы воют, ребятишки плачут – сразу Пахомушка вспоминается. Может, и через их деревню солдаты идут, может, и Василенков так же обижают... «Подъем!» Ноги болят, сапоги короткие воду пропускают. Сколько еще идти? Бог ведает...

...За полверсты до селения Видзы телега застряла в грязи так прочно, что измученные лошади, сами увязшие по колено, не могли ее вытащить. Извозчик и слуга Шишкова побежали звать на помощь обывателей, которые, должно быть, по сельскому обычаю уже легли спать. Александр Семенович остался один в темноте дожидаться спасения. Ох, как бы не разболеться опять: ночи-то холодные, да сырость эта...

Когда министр Балашов объявил ему, что государь, отправляясь к армии, желает иметь его при своей особе, Шишков только рукой махнул: куда ему ехать? Старому, больному? Да и в сухопутной армии он никогда не служил – на что он государю? Балашов вернулся в Зимний, и тотчас по Петербургу побежала молва о том, что Шишков дерзко отказал императору в его просьбе. Ох, батюшки! Вот еще беда! Дня через два, поутру, прискакал фельдъегерь: государь требует Шишкова во дворец. Старик отправился туда, как на казнь, однако Александр Павлович принял его милостиво и говорил уважительно: «Я бы желал, чтобы вы поехали со мною. Может быть, для вас это и тяжело, но для Отечества нужно». Мысленно перекрестившись, Шишков с жаром принялся уверять его в своей усердии и готовности посвятить ему остаток дней своих, вот только он человек морской и даже верхом ездить не умеет. Государь усмехнулся, сказал, что в этом надобности не будет, и тотчас подписал указ о назначении Шишкова государственным секретарем. В тот же день, после молебствия в Казанском соборе, государь отправился в путь при великом стечении народа, Шишкову же дал два-три дня на сборы, прислав придворную коляску с лошадьми. Нежданные сборы вышли бестолковыми и суетливыми; коляску было жаль; Шишков отослал ее обратно и поехал на простой телеге.

Прошел, наверное, час времени, если не больше, прежде чем люди вернулись и вызволили телегу из грязи. В Видзах пришлось заночевать. Оказалось, что в этом местечке в две сотни домов находился и цесаревич Константин Павлович. Засвидетельствовав ему свое почтение, Шишков на рассвете отправился дальше.

В Вильну уже проехали принцы Ольденбургский и Вюртембергский, канцлер граф Румянцев, граф Аракчеев, Александр Дмитриевич Балашов, русские и иноземные генералы и другие особы из государевой свиты; на почтовых станциях свежих лошадей было не найти, всё только заморенные до крайности. Последний перегон до Вильны Шишкову пришлось идти пешком. Император поселился в генерал-губернаторском дворце с небольшим садиком, обнесённым решеткой, который выходил на обширную площадь с фонтаном. Он сочувственно выслушал рассказ Шишкова об его беспокойном путешествии и повелел отвести ему две комнаты во флигеле. К вечеру было получено известие, что маршал Даву уже на Висле.

* * *

Выслушав вердикт присяжных, генеральный прокурор гневно стукнул себя кулаком по колену. Председатель суда разделял его чувства: из четырех обвиняемых виновным признан только один! Да, только Мишель был уличен в «махинациях и сношениях с иноземной державой с целью предоставить ей средства начать войну против Франции», остальных он «исполь-

зовал с помощью обмана». Люди, раскройте глаза! Обмануть можно раз или два. Но дважды в месяц! На протяжении полугода! Нет, сообщники Мишеля не были настолько наивны, это присяжные позволили себя одурачить!

Обгорелое письмо, найденное под ковром в комнате русского полковника Чернышева наутро после его поспешного отъезда из Парижа, сильно напоминавшего бегство, оказалось кончиком длинной ниточки. Сличая почерки, полиция установила, что «М.» – это Мишель из канцелярии Военного ведомства, и начала разматывать клубок. Во время Революции Мишель служил в морской пехоте, затем перешел на канцелярскую работу в Морское министерство, а оттуда в Военное. Уже тогда через его руки проходили секретные документы о военных операциях и численности войск. Потом его перевели за драку в канцелярию, где он больше не имел доступа к государственной тайне, но, сохранив приятельские отношения с двумя товарищами и бывшим своим подчиненным, мог с легкостью добыть важные сведения по мере надобности. Еще молодой человек, он, несомненно, завидовал внезапному возвышению вчерашних сержантов, тогда как сам продолжал получать грошовое жалованье. Он тоже решил обогатиться на войне – но иным способом, чем офицеры, телегами вывозившие награбленное добро из покоренных стран. Мишель принял авансы Пьера д'Убриля, секретаря русской миссии в Париже, и добыл ему несколько важных документов. Правда, это сотрудничество долго не продлилось: Россия вступила в войну с Францией, д'Убриля отозвали, однако он передал Мишеля «по наследству» Карлу Нессельроде, а тот – своему преемнику Крафту. На суде Мишель уверял, что не сообщал Нессельроде никаких тайных сведений, данные о численности войск брал из головы, а пятьсот франков, которые тот вручал ему каждые пять месяцев, были просто «подарком».

«Подарки» он получал и от Крафта. В общей сложности – двадцать тысяч франков за восемь лет. Те самые тридцать серебряников! Продавать свою страну! Да еще за такие крохи! Председатель никак не мог успокоиться.

Когда консьерж-австриец русского посольства, служивший связным, вывел Мишеля на полковника Чернышева, предатель, видно, и сам понял, что продешевил. Царский флигель-адъютант попросил его подкупить какого-нибудь сотрудника Военного ведомства, имевшего доступ к сведениям о французских войсках в Германии, посулив за них четыреста тысяч франков. Мишель сказал, что у него ничего не вышло. Не мог же он своими руками отдать такие деньги другому! В том самом письме, с которого всё началось, Мишель напоминал, что передал Чернышеву данные о численности и составе Императорской гвардии.

Как ему это удалось? В том-то и штука! «Невинные жертвы обмана» были самыми настоящими соучастниками преступления. Каждые две недели император получал «Доклад о текущем положении», подготовленный Отделом передвижений войск. Доклад представляли в виде брошюры, ради чего мальчишку-посыльного отправляли к переплетчику. Но прежде чем попасть в мастерскую, паренек заглядывал к Мишелю, который просматривал доклад якобы в поисках своего друга, служившего в армии, – жив он или нет. Даже когда начальник посыльного, дивясь его нерасторопности, отправил с ним сопровождающего, парень всё равно исхитрился передать доклад Мишелю! Всё дело в том, что в этом же Отделе работал Луи Саже – еще один сообщник предателя. А Луи Сальмона из Отдела военных смотров Мишель уверил, что работает на армейского поставщика, которому нужны сведения о численности армии: сколько заказывать сукна. Сальмону он платил за труды по семь франков в неделю. И пообещал пошить ему новую шинель... А эти дураки присяжные их оправдали! Дьявол!

...Мишеля расстреляли через две недели после суда. Три дня спустя Саже и Сальмона снова арестовали и посадили в тюрьму как государственных преступников. Во Франции, конечно, есть правосудие, но должна же быть и справедливость!

* * *

В полночь в дворцовой церкви началось пасхальное богослужение, совершаемое архиепископом Литовским Серафимом. Всё было заранее отрепетировано и прошло превосходно; Александр принимал поздравления от своей свиты, генералов, министров, а также польской знати.

Неделю назад, в Вербное воскресенье, «обожаемого монарха» встречали стократными выстрелами из пушек и звоном колоколов. Александр въехал в Вильну верхом через Антоколь. На поросших соснами холмах вдоль дороги густой толпой стояли люди; зеваки забрались и на башни костела Св. Петра, и на крышу бывшего дворца князя Сапеги, выглядывали в окна домов, чтобы увидеть царя. Главнокомандующий Первой армией Барклай-де-Толли привел с собой свиту из генералов в блестящих золотом мундирах; ремесленные цехи устроили шествие под барабанный бой, с развернутыми знаменами, которые они наклоняли, проходя мимо императора; евреи поднесли ему Тору и хлеб; католическое духовенство в праздничном облачении выстроилось перед костелами. От Замковых ворот до дворца генерал-губернатора в три шеренги стояли солдаты виленского гарнизона, а по другую сторону улицы – студенты университета, гимназисты со своими учителями и прочие обыватели. Наконец, в самом дворце царя приветствовали гражданские власти и дворянство. Весь день гремела бравурная музыка, а вечером на берегах Вилии зажгли просмоленные бочки. На следующий день государь устроил завтрак для властей и знатнейшего дворянства, принял депутации от духовенства, университета, купечества, еврейской общины, всех облакал и обворожил.

Вильна чем-то напомнила Александру Тверь, из которой его зять Георг Ольденбургский пытался сделать третью столицу империи. Красивые дворцы соседствовали с ветхими лачугами, к Ратуше лепились еврейские лавчонки; на немощеных улицах валялся всякий сор; коровы, свиньи, куры бродили по городу совершенно свободно, берега Вилии и Вилейки усеивали навозные кучи в человеческий рост. Зато окрестности были хороши, живописны и разнообразны: то сосны и песок, то плакучие березы и озера. Государь каждый день ездил куда-нибудь верхом вместе с дежурным генерал-адъютантом. Усадьба Верки, принадлежавшая графу Потоцкому, привела его в восторг: с высокой горы открывался прелестный вид на извив Вилии с нежно-зелеными кущами по обоим берегам, а трехэтажный дворец Закрет в сосновом бору Александр и вовсе пожелал купить для себя. В Закрете жил генерал Беннигсен, отправленный в отставку после Фридландского сражения. Государь повелел ему состоять при своей особе и ни словом не поминал недавнего прошлого.

Дни проходили в смотрах, поездках и увеселениях. Виленским гарнизоном, дефилировавшим на Погулянке, государь остался доволен, объявил командирам высочайшее благоволение с выплатой всем офицерам полугодового оклада, а нижним чинам пожаловал по рублю и фунту говядины. После смотра дворянство устроило бал в доме Паца, где квартировал цесаревич Константин. При появлении Александра грянула торжественная кантата; дальнюю стену бальной залы занимал большой транспарант, изображавший коленопреклоненного гения пред императором на троне, и с подписью в стихах, где царь уподоблялся милосердному Титу. Государь открыл бал, пройдясь полкруга в польском с супругой Беннигсена (урожденной Анджейкович), бывшей на сносях, и уехал прежде ужина. Чтобы смягчить разочарование, на другой день он пожаловал знатных польских девиц во фрейлины императрицы, а юношей – в камер-юнкеры.

Вилькомир, Шавли, Троки, Тельши, Плунгяны – разъезжая по городам, где стояли войска, государь поражал всех своей простотой и доступностью, соглашался посетить дома жмудских помещиков, беседовал со случайными встречными, раздавал награды и чины, любезно принял католического епископа – князя Гедройца... Корпус Витгенштейна в Жмуди его пора-

довал. Впрочем, сопровождавший царя Барклай влил в эту бочку меда ложку дегтя, заметив беспорядок в артиллерийской бригаде: лошади худы, обоз разбросан по дороге... А генерал-майору Тучкову 3-му он объявил строжайший выговор за опоздание со своим полком к месту сбора, из-за чего другим войскам пришлось его полтора часа дожидаться.

Погожие дни добавляли приятности легкой жизни. Молодые офицеры устраивали шумные пирушки и волочились за местными красотками; говорливого шутника Санглена можно было всякий день встретить в ресторане Крешкевича. Он сделался большим приятелем поляка Дранжевского, пил с ним на брудершафт и обнимался. Правда, в это время виленский полицмейстер Анджей Вейс производил на квартире Дранжевского обыск. Под полом и в дымоходной трубе нашли записки о составе русской армии, генералах, военные инструкции и патент поручика, подписанный Наполеоном. Арестованный сильно удивился, когда допрашивать его явился недавний собутыльник. Он выдал нескольких товарищей, доведя список французских шпионов, который составлял Санглен, до цифры 98.

Май

Правое колено покраснело и распухло, на ногу не наступить – боль адская. Хирург накладывал компресс, собираясь позже отворить кровь из ноги; Александр Борисович Куракин закрыл лицо левой рукой, опиравшейся на подлокотник кресла. На правой руке он до сих пор носил, не снимая, перчатку: два года назад, на злополучном балу у австрийского посланника, князь чуть не погиб во время пожара; правая рука обгорела до мяса.

Сколько ему еще терпеть эти издевательства? Герцог де Бассано морочит его, обнадеживая, назначая совещания, а затем объявляя, что до сих пор не получил наставлений от его величества. Отъезд Наполеона назначен на завтра; не может быть, чтобы император не дал никаких инструкций министру иностранных дел, надолго покидая столицу! Потеряв терпение, Куракин потребовал выдать ему и всем членам русского посольства паспорта для возвращения в отечество. Да, он сделал это своевольно, без ведома государя. Да, он понимает, что это равнозначно объявлению войны. Но войне быть всё равно, а если князь застрянет здесь, когда она начнется... М-м-м, какая боль! И подагра-то у него разыгралась от всех этих треволнений. Ничего, дали бы паспорта – он на карачках уползет.

* * *

Губы графа де Нарбонна сложены в любезную улыбку, осанка безукоризненна, хотя на слегка одутловатом лице читается усталость после ночи, проведенной в карете. Посол прибыл в Вильну в девять утра, а через час явился представиться императору Александру и передать ему собственноручное письмо от императора Наполеона. Государь слушал поток придворных фраз, напомнивший ему отрочество – приемы у бабушки в Царском Селе. Словно между прочим, граф обмолвился, что рассчитывал встретить его величество в Кёнигсберге. Не изменившись в лице, Александр отвечал, что это было бы странно: он не намеревался покидать пределов своей империи, о чём император Наполеон был соответствующим образом уведомлен. Нарбонн сообщил, что император приглашает своего возлюбленного брата в Дрезден, куда съедутся все князья Рейнской конфедерации. Александр, в свою очередь, предложил послу присутствовать завтра на маневрах 3-й дивизии под командованием генерала Коновницына. Граф обещал, что непременно будет, попросил позволения посетить канцлера Кочубея и удалился.

Санглен проводил его издали до квартиры, после чего занял наблюдательный пост в корчме напротив. Приезд наполеоновского адъютанта не стал неожиданностью: о нём сообщил еврей-осведомитель, ездивший в Варшаву. С самой границы Нарбонна «вели», чтобы не сбился с дороги и не увидел лишнего; в Ковне его сопровождал повсюду лично полицмейстер Бистром, прежде чем сдать с рук на руки квартальному, присланному Вейсом из Вильны. Свита

графа была небольшой: капитан Себастиани, поручик Шабо, курьер, камердинер и два лакея. Пока все они сидели дома... О! Капитан и поручик вышли! Санглен мигнул еврею, тот кивнул в ответ. Через час капитан и поручик вернулись обратно; еврейский мальчишка доложил, что они ходили к Замковым воротам и назад по Свентоянской. Час пополудни; Санглен решился пообедать. Едва он доел, как к подъезду подали экипаж Нарбонна. Француз съездил в дом Сулистровской на Скоповке к графу Румянцеву, министру иностранных дел, и пробыл там не больше получаса. Оставив у дома наблюдение, Санглен вернулся во дворец.

...Солдаты выполняли все перестроения безупречно: деплояды из колонны в линию, из линий в две колонны, в каре – государь остался доволен. В половине третьего Нарбонн явился на отпускную аудиенцию. Александр стоял у стола, развернув на нем карту России. Он жестом пригласил графа подойти и взглянуть на нее. Это была карта европейской части Российской империи и граничивших с ней государств; она включала Балтийское, Белое, Черное, Азовское и Каспийское моря и обрывалась за Уральскими горами, не вместив в себя всю Сибирь и Камчатку.

– Я не ослепляюсь мечтами и знаю, что император Наполеон – великий полководец, – ровным голосом сказал государь, – но на моей стороне, как вы видите, пространство и время. Во всей этой земле нет такого угла, какой я не стал бы защищать, прежде чем согласиться на постыдный мир; вся она враждебна вам. Я войны не начну, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат останется в России.

Нарбонн произнес несколько ничего не значащих фраз, подходящих к любому случаю. Император оставил его с собой обедать, пожаловал золотую табакерку и дал понять, что графу пора домой.

Заглянув напоследок к Румянцеву, Нарбонн отправился в обратный путь.

– *Ainsi, nous aurons la guerre!*⁷ – громко сказал он, садясь в карету.

Эти слова тотчас разнеслись по всему городу, вызвав встревоженные толки.

* * *

На широких площадях Дрездена то и дело возникали столпотворения из-за ненароком сцепившихся друг с другом экипажей; по улицам расхаживали солдаты и офицеры в мундирах разных цветов; на Брюлевской террасе было многолюдно, а уж возле Королевского замка – и вовсе яблоку негде упасть: толпы праздных зевак проводили здесь многие часы днем и даже ночью в надежде увидеть (хотя бы в окно) императора французов – властелина почти всей Европы, желавшего стать покорителем мира. Он прибыл в столицу Саксонии со всем двором, оставив в Сен-Клу только маленького сына со штатом нянек, и вел себя не как гость, а как хозяин. Императорский поезд растянулся на несколько верст: больше трехсот новеньких экипажей, фуры, нагруженные мебелью, серебряной посудой, гобеленами, подарками... Являясь к утреннему выходу Наполеона, немецкие князья смешивались в передней с французскими генералами.

Банкеты, праздники, спектакли... Актеров тоже привезли из Парижа, иначе бы пришлось смотреть сочиненные на случай подобострастные пьесы дилетантов, пытавшихся возместить угодливым отсутствием таланта. Едва ступив на германскую землю, Наполеон тотчас ощутил перемену в отношении к себе: искренний восторг, с каким его встречали в восточных французских департаментах, уступил место почтительному любопытству. Возможно, где-то здесь витала и ненависть, укрощенная уздой страха. А ведь он приехал воспламенять сердца, наполнять их уверенностью, сознанием собственной силы: Великая армия, которую он поведет к новым победам, – полмиллиона человек! Тысяча двести орудий! – состояла и из войск союз-

⁷ Так, значит, у нас будет война! (фр.)

ников. Но лишь сейчас он понял свою ошибку: напоминание о славном прошлом срабатывало во Франции, для немцев же победы Наполеона были обратной стороной их собственных поражений. Пленники, влекомые в цепях за колесницей императора, участвуют в его триумфе, но не испытывают от этого радости.

Мария-Луиза являлась всюду в богатых нарядах, осыпанная драгоценностями, желая всем показать, как счастлива австрийская принцесса, ставшая императрицей французов. Наполеон даже просил ее вести себя поскромнее и получил в ответ слезы: почему он не хочет, чтобы она надевала его подарки? Зачем тогда он их дарил? Он не смог объяснить ей этого и махнул рукой: будь что будет. Она по-своему права.

Тесть Наполеона, австрийский император Франц, приехал одним из первых; чудаковатый Максимилиан Баварский, тесть Эжена де Богарне, и высоченный толстяк Фридрих Вюртембергский, тесть Жерома Бонапарта (и родной дядя императора Александра), тоже были здесь. Всех удивляло отсутствие прусского короля Фридриха-Вильгельма, недавно подписавшего союз с Наполеоном; они бы удивились еще сильнее, узнав, что сам император не желает его видеть.

Похоже, что среди немцев мужество свойственно лишь женщинам. Только они способны сохранить достоинство в несчастье. Молодая мачеха Марии-Луизы, бывшая ее лучшей подругой до «принесения ее в жертву Минотавру», отвергла богатые подарки падчерицы, оказавшейся довольной своей участью. Каролина Саксен-Веймар-Эйзенахская отказалась ехать с мужем в Дрезден; герцогу с большим трудом удалось отговорить ее от поездки в Россию (его первой женой была сестра императора Александра, Елена Павловна). Преждевременная смерть Луизы Прусской изъела стальной стержень из хребта Фридриха-Вильгельма. Но если бы он просто покорился неизбежности! Нет, он захотел извлечь выгоду из своего малодушия, забрасывая Наполеона письмами с просьбой отдать ему Курляндию, Семигалию и Пильтенскую область, когда он отберет их у России! И этот человек клялся в верности Александру над гробом Фридриха Великого! Можно ли рассчитывать на его благодарность?

Прусский король всё-таки приехал. Поддавшись на уговоры Дюрока, Наполеон согласился его принять. Ему уже надоело в Дрездене, он ждал только возвращения Нарбонна, чтобы отправиться дальше.

Нарбонн не смог сообщить ему ничего утешительного. Русские сознают опасность, но не напуганы; они предпочли бы обойтись без кровопролития, но готовы на жертвы, чтобы затянуть войну и победить измором. Граф советовал ограничиться оккупацией Литвы, объединить ее с Варшавским герцогством и, перезимовав в Варшаве и Вильне, с новыми силами двинуться на Москву. Наполеон покачал головой.

– Варварские народы суеверны и простодушны, – сказал он. – Стоит мне нанести удар в самое сердце империи, занять их матушку-Москву, как вся эта огромная масса превратится в беспомощное стадо. Я знаю Александра. Сила и натиск способны поразить его воображение. Я не боюсь расстояний, когда в конце пути меня ждут победа и мир. И потом, Россия – лишь начало долгой дороги к берегам Ганга. У меня есть карты земель, по которым мы пройдем от Эривани и Тифлиса до английских владений в Индии. От Парижа до Москвы – семьсот пятьдесят лье. По дороге нам предстоит несколько сражений. Когда Москва будет взята, Россия разгромлена, а царь опозорен или убит (в России любят устраивать дворцовые перевороты), Великой армии откроется путь, которым прошел Александр Македонский. Вся Европа встанет под наши знамена, я заключу союз с Турцией, в России рабы восстанут на своих господ...

Нарбонн вновь принялся развивать свои аргументы, но император остановил его:

– Посмотрим, надолго ли хватит упорства Александра. Англичане дают ему дурные советы; он хочет войны – я начну ее. Пробка вынута – вино надо выпить.

* * *

– Амуницию снять!

Назар снял с себя патронную сумку и португую со штыком в ножнах; подержав недолго в руке, аккуратно сложил на землю у ног. Унтер-офицер Авдеев замахнулся тесаком и дважды ударил им Назара плашмя по спине. Всё нутро сотряслось, ажно дух занялся. Дождавшись команды, парень с трудом наклонился, поднял португую и снова надел.

Авдеев невзлюбил Назара с самого начала и всячески над ним измывался. Заставлял стоять на часах лишнее время, придирался к каждой мелочи. Зуботычины нужно было принимать, не отворачиваясь... Назар терпел, молчал, но по ночам ему не раз снилось, как ненавистное рыло брызжет кровью под его кулаком...

– В чём дело?

Унтер вытянулся во фрунт перед юным прапорщиком, хмурившим тонкие брови.

– Ваше благородие, рядовой Василенко дважды не смог произвести выстрел из ружья, за что был подвергнут наказанию!

Прапорщик подошел к Назару и велел дать ему ружье. Пока он разглядывал замок, Назар украдкой посматривал на самого офицера. Молодой совсем, губы пухлые, ресницы длинные и пушистые, как у девушки. Должно быть, они с Назаром одногодки. Видно, что паныч: руки маленькие, узкие...

Ружье английской работы, по виду – исправное и содержится в порядке. Пестель напряженно размышлял, что же могло произойти. Подмоченные патроны? Он спросил, когда были получены заряды; оказалось – нынче же, перед учением. Хм. Озаренный внезапной догадкой, он велел подойти солдату, которому стрельба удалась, и обменяться патронами с наказанным. А теперь пусть они оба выстрелят.

– Заря-жай! – командовал унтер. – Товсь! Цельсь!

Назар волновался, ему не хотелось оплошать снова, перед офицером. Тогда и двадцать пять горячих всыпать могут. «Не спеши», – услышал он тихий шепот. Резко зажмурив и раскрыв глаза, прицелился в горшок, надетый на воткнутую в землю палку, приник щекой к прикладу. «Пли!» Порох вспыхнул с шипением, пуля вылетела из ствола, горшок разлетелся вдребезги. А вот ружье товарища дало осечку...

– Я доложу капитану, что не все патроны хороши, – сказал прапорщик Авдееву. – Продолжать учение. Без вины не наказывать!

– Слушаюсь, ваше благородие!

Капитан Петр Арцыбашев командовал 2-й гренадерской ротой с начала нынешнего года, будучи переведен в Литовский полк из Преображенского, так что в полку он был новым человеком, как и прапорщик Пестель. Павел легко и быстро сошелся с ним, как только добрался до Свенцяи и отпартовал о своем прибытии. Арцыбашев был молод (ему недавно исполнилось двадцать пять), небогат (его отец владел небольшим имением в Вологодской губернии), серьезно относился к службе и любил читать; свободные вечера они с Пестелем проводили за разговорами, а не за карточным столом и штофом, как остальные офицеры. В местечке Свиры, отстоявшем на шестьдесят пять верст от Вильны, трудно было сыскать себе иное занятие, кроме игры и выпивки, а Пестель не имел для них ни средств, ни желания. Он аккуратно писал подробные письма домой, однако на все его рассуждения о недостаточности мер, принимаемых перед лицом грозящей опасности, о долге офицера и о патриотизме отец отвечал лишь сдержанным одобрением, советами избегать ненужных расходов и не роптать на Всевышнего, с мужеством и покорностью перенося все невзгоды, сообщениями о погоде (в Петербург лето так и не пришло, в начале мая шел снег), о маменькиных хворях, просьбами повлиять на млад-

шего брата Воло, который нисколько не прилежен в учебе и водит знакомство с Windbeutel⁸, заключая свои письма надеждами на то, что войны не будет: «Да исполнится воля Божья, да устроит Он всё наилучшим образом на благо нашей родины и нашего превосходного Государя, который хочет ей блага». Отец писал и полковнику – Ивану Федоровичу Удому, прося ссужать при необходимости его сына в долг и обещая покрыть все эти расходы. Павел был очень смущен, когда полковник вызвал его к себе и спросил, не надобно ли ему денег на покупку новой верховой лошади взамен пострадавшей. Если бы Удом узнал об этой неприятности из собственного рапорта Пестеля, то Павел, конечно же, принял бы помощь с большою радостью, но сведения были почерпнуты из папенькиного письма, поэтому он поблагодарил и отказался. Ему было совестно обременять полковника, недавно лишившегося любимой жены, которая скончалась от болезни, оставив ему трех дочерей и сына-младенца. Зато капитан Арцыбашев оказался тем самым подарком судьбы, о котором твердил отец: с ним можно было и поговорить по душам о чём угодно, и попросить займы, не сгорая со стыда.

Петр Сергеевич нахмурился, выслушав рассказ Пестеля о патронах, но сейчас заниматься этим было некогда: ожидали прибытия цесаревича Константина, который собирался смотреть полк. Солдаты маршировали повзводно, поротно и побатальонно, отрабатывая строевые эволюции: захождение плечом, марширование рядами и полуоборотом во фронт.

...Первый батальон привел великого князя в восторг: славно идут! Точно плывут, а не маршируют, ногу держат, верность и точность беспримерны, осанка, тишина необычайная! Прямо движущаяся стена! Истинные чада российской лейб-гвардии! Но второй батальон допустил ошибку при перестроении, и хотя она была тут же исправлена окриком, Константин Павлович сошел с коня и сам принялся обучать солдат: показывал, как ловчее подогнать ремни, чтобы грудь была колесом, как держать голову, где у ружья быть руке и пальцу, как делать поворот на ходу...

– Атакующий фронт должен идти на неприятеля сколь можно осанисто и стараться быть совершенно сомкнутым в рядах, ибо от сего наиболее зависит успех в атаке! – назидательно сказал он Удому.

Шишков не верил своим глазам. То ли время сейчас, чтобы заниматься такими мелочами! Не к парадам солдатушек надо готовить, а...

– Ты, верно, смотришь на это, как на дурачество? – строго спросил его великий князь.

Смутившись из-за того, что мысль его с такою легкостью была угадана, Шишков не нашелся что сказать и только низко поклонился.

Он многого не мог взять в толк, однако остерегался о том высказываться. Русские в Вильне встревожены не на шутку: не сегодня-завтра Бонапарт с несметным полчищем будет здесь, а наши что же? Никто как будто и не готовится давать ему отпор, офицеры веселятся и буянят, полякам раздают ордена и камергерские ключи, хотя они только и ждут Наполеона, чтобы переметнуться на его сторону! Станут оборонять Вильну или нет? В город свозят запасы, как будто для длительного сопротивления, а укреплений не возводят – как это понимать? Шишкова это тоже беспокоило: похоже, Вильну изначально предполагалось оставить, чтобы увлечь за собой неприятеля в глубь России. Но зачем было стягивать сюда столько войск и припасов? Неприятель бы и без нашего отступления пошел к нам, а бегство пред ним лишь даст пищу слухам, сеющим повсюду страх и малодушие. Кто командует нашими войсками? Государь? Но его величество называет главным их распорядителем Барклая-де-Толли, а тот от сего звания отказывается. Да и вправду сказать: Михаил Богданович честный человек и хороший полководец, но души солдатской не постиг, любви не снискал. Сможет ли человек с нерусской фамилией повести за собой русского солдата в огонь и в воду?..

⁸ Вертопрах (нем.).

* * *

– Я уполномочен его величеством говорить от его имени и сообщить вам о его твердом намерении восстановить Польшу и провозгласить вас польским королем, если вы отложите от императора Наполеона и увлечете польское войско за собой.

Серые глаза со светлыми ресницами смотрят прямо, почти не моргая. У полковника Толя круглое честное лицо немецкого бюргера, для которого уговор дороже денег; партикулярное платье только усиливает это впечатление. Князь Юзеф Понятовский – тоже человек слова; полковник поймет его и передаст его ответ царю надлежащим образом.

– Я благодарю императора Александра за его намерение, но честь не позволяет мне принять его предложение. Передайте его величеству, что в знак признательности и уважения к нему я оставляю его предложение без огласки.

По привычке щелкнув каблуками, Толь поклонился, повернулся по-военному и вышел.

Князь Юзеф сел, облокотился о стол и обхватил голову руками, запустив пальцы в черные волосы. Возможно ли сохранить свою честь, ни в чём не покривив душой? Поляки верят в Бонапарта, потому что Понятовский поддерживает в них эту веру, несмотря на сомнения и разочарования. Вера даст им силу, которая нужна для отвоевания свободы. И еще – сознание своей правоты. Сдержит ли Бонапарт свои обещания?.. Бог ему судья. Князь Юзеф поклялся в верности императору Наполеону и не изменит своему слову; хотя бы перед собственной совестью он останется чист. Великая армия стоит на Висле. Вчера князь выдал рекомендательные письма французскому капитану д'Опулю, который отправился в Тересполь в польском мундире под видом штаб-офицера князя Понятовского, чтобы разведать окрестности Бреста, проехать берегом Буга, собрать сведения о силах русских в направлении Слонима, а также в Брянске, Бельске и Белостоке, подобраться как можно ближе к Гродне, разузнать пути через леса и болота и передать все эти сведения Наполеону, уже выехавшему в Познань. Коней на переправе не меняют.

* * *

Каждый раз после ухода гостей княгиня Мещерская принимала бестужевские капли: от разговоров голова шла кругом, аж темнело в глазах. Сестра, Надежда Николаевна Шереметева, вываливала разом целый ворох слухов, собранных в гостиных, у Архаровых и Апраксиных, а подруга ее Анна Николаевна Неклюдова толковала их самым мрачным образом. Говорили, что открыли общество, состоявшее из молодых людей очень хороших фамилий, которые занимались рисованием подробных карт Москвы для отправки Бонапарту. Мадам Обер-Шальме, к которой вся Москва ездила за модными шляпами, арестовали и сослали – якобы за фальшивую монету. В сельце Воронцове, в усадьбе князя Репнина, которым теперь владеет княгиня Волконская, поселился какой-то немец с помощником-курляндцем. Их привез туда лично гражданский губернатор Обресков; вроде бы им поручено устроить там фабрику для изготовления новоизобретенных зарядов для пушек. А вот уж самое верное известие: графа Гудовича, московского главнокомандующего, государь отправил в отставку по болезни, прислав ему похвальный рескрипт и свой портрет с бриллиантами. Но только настоящая причина отставки – не здоровье графа, а доктор, который его пользовал, по фамилии Сальваторе, то ли француз, то ли итальянец, передававший Наполеону всякие тайные сведения и за то получавший от него шесть тысяч франков в год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.